Черный сокол. Снайпер из будущего

Автор:
Евгений Сапронов

Черный сокол. Снайпер из будущего

Евгений Сапронов

«Пристрелить Батыя!» – первое, что приходит на ум нашему современнику, заброшенному со снайперской винтовкой в эпоху татаро-монгольского нашествия. Но сможет ли «попаданец» подобраться к ханской ставке на прицельный выстрел? И главное – остановит ли смерть великого завоевателя степную лавину?

Или лучше не просто убить Батыя, а сломить его дух, заставив отдать приказ об остановке вторжения и возвращении Орды обратно в степи?

А значит – да здравствует тактика «выжженной земли»! Ответим террором на террор, обложив врага разведывательно-диверсионными отрядами! Русская Земля будет гореть у захватчиков под ногами! А стяг снайпера из будущего с черным соколом на белом фоне станет Знаменем Победы!

Евгений Сапронов

Черный сокол. Снайпер из будущего

Пролог

– Держи. – Анри Лефевр протянул рулетку топтавшемуся рядом Ахмеду.

Тот поймал кончик ленты и приложил к металлической пластине, а Анри быстро пошел вдоль стены, отмеряя расстояние.

В глубине души Лефевр был лодырем, но об этой его тайне никто даже не подозревал. Наоборот, его всегда ставили в пример. А Анри всего лишь считал, что работа – это такое удовольствие, которое не стоит растягивать, быстрее сделаешь – скорее отдохнешь. А еще он любил поболтать. Вот только с помощником ему в этот раз крепко не повезло. Во-первых, из ливийца слова было не вытянуть. А во-вторых, не о чем Анри с ним разговаривать. Он вообще жутко не любил всех этих эмигрантов, наводнивших старую добрую Францию. Сначала Лефевр только подозревал, но за три дня подозрение переросло в уверенность: «Чертов Жубер! Не иначе, он подсунул мне этого Ахмеда в отместку за ту ссору».

– Ага, вот здесь, – пробормотал себе под нос Лефевр, вынимая из кармана кусочек мела, и нарисовал на шершавом выщербленном камне большой крест.

– Неси кронштейн, – бросил он помощнику.

Ахмед отпустил ленту, медленно повернулся и не спеша потопал к другой стене, у которой стоял ящик с крепежом.

Сматывавший рулетку Анри тяжелым взглядом посмотрел в широкую спину ливийца и грязно выругался про себя. Важный вид и медлительность Ахмеда просто бесили шустрого француза. «Этот надутый индюк, кажется, и шага не может ступить без раздумий, – негодовал Лефевр, – а рожа?! Из его фото можно плакат сделать: «Бойтесь, исламский террорист!»

Анри утешало только одно: сегодня все это закончится. Завтра начало турнира. Их бригаде осталось установить последнюю рампу. На трех башнях крепостной стены прожектора уже стоят. Но там было проще – наверху сохранились боевые площадки, окруженные зубчатым парапетом. А вот донжон замка «Черного сокола» стоит без крыши уже больше трех веков. Подумав об этом, Лефевр машинально посмотрел вверх. Сегодня весь день собирались тучи, и все опасались, что заканчивать работы придется под дождем. «Ничего, успеем, – успокоил себя Анри, – тут и делов-то осталось – всего ничего». Надо просверлить в камне еще дюжину отверстий, забить в них пробки и прикрутить кронштейны. Потом сверху краном подадут рампу со стойками, которые они с Ахмедом

закрепят болтами у стены, чтобы все сооружение ненароком не завалилось внутрь огромного зала. Верхний этаж башни, заваленный битой черепицей и мусором от рухнувшего перекрытия, долгие годы был практически недоступен. Но недавно замок начали реконструировать, и зал расчистили.

Подошедший Ахмед прислонил к стене кронштейн, а Анри длинным гвоздем разметил отверстия.

– Отойди, – кивнул он помощнику и взялся за перфоратор.

Лефевр упер длинное сверло в первую отметину и вдавил кнопку. Агрегат в его руках задергался и затарахтел, Анри навалился на рукоятки, но вдруг потерял равновесие и едва не ткнулся лбом в стену, потому что сверло, пробив слой камня, провалилось в пустоту. Блок кладки, грубо вырубленный из желтого песчаника и по виду ничем не отличавшийся от всех остальных, на поверку оказался плитой толщиной, наверное, с ладонь.

Рабочие переглянулись. У обоих на лицах читалось одно слово: «тайник!» А что может находиться в стене древнего замка? Глупый вопрос. Ну конечно, золото! Что же еще?!

Глава 1

Заканчивался третий раунд. Олег Горчаков отбил удар и разорвал дистанцию, помянув недобрым словом ножные латы, вес которых изматывал в бою. Он не видел неба и травы под ногами, закрытый шлем превращал окружающий мир в узкую, как щель забрала, полоску. Соперник не дал ему передышки, он снова атаковал и попытался ударом сбоку по лезвию отшвырнуть меч Олега в сторону, чтобы потом обратным движением рубануть наотмашь. Но Горчаков на этот простенький финт не попался, он успел развернуть руку, и его клинок избежал столкновения с оружием Кости Зверева. «Атака!» – мысленно скомандовал себе Олег и, бросившись вперед, ударил справа, целясь по шлему. Но у Константина была отличная реакция, а двигался он так стремительно, словно и не было у них за плечами тяжелого боя. Зверев успел принять удар на лезвие меча, отшвырнул чужое оружие в сторону и с разворота шарахнул стальным локтем Олегу в забрало. Тот отшатнулся, едва устояв на ногах, и вскинул меч, полагая, что

сейчас соперник будет рубить сверху. Но Зверев перехитрил Горчакова, он только обозначил удар, а дальше его клинок изменил траекторию и…

– Черт! – прошипел Олег после того, как меч Кости с гулким металлическим стуком врезался в его левое предплечье.

Поединок шел в полный контакт, как в настоящем бою. Только мечи были тупыми, но от ушибов это не спасало. На секунды рука занемела, пальцы перестали слушаться.

«Хорошо, что не правая – меч бы не удержал, – подумал Горчаков, – ну погоди, приятель!» Он высоко замахнулся, Зверев поднял оружие, а Олег, сместившись влево, крутнулся волчком и от души врезал бывшему коллеге по сборной наотмашь по ребрам.

И в этот момент звучно ударил гонг – финальный бой окончен! Тяжело дышащие соперники опустили мечи. Горчаков поднял забрало и облизнул пересохшие губы. Покрытое короткой травой поле, на котором проходили состязания, с трех сторон окружали высокие деревянные трибуны. Олег пробежался взглядом по пестрой толпе зрителей, потом развернулся и стал смотреть на совещавшихся судей, которые сидели за длинным столом на фоне высокой квадратной башни из желтого песчаника.

Позади судейского стола, ближе к подножию древних стен, были расставлены полосатые шатры. Между шатрами стояли длинные столы с разложенными на них доспехами, перед ними толпились секунданты и друзья участников, некоторые в средневековых костюмах. Постоянно кто-то облачался в латы, а кто-то их снимал. Со стороны все это выглядело почти как на средневековой миниатюре «Лагерь крестоносцев под стенами Иерусалима». Правда, полному погружению в прошлое мешали съемочные группы нескольких новостных каналов.

– Ну как ты? – ухмыльнулся Костя, показав белые ровные зубы. – Не сильно я тебя помял?

– А ты? – ответил вопросом на вопрос Олег, и в его серо-зеленых глазах сверкнули веселые искорки. – Ребра не болят? – спросил он, наклонив голову и состроив лицемерно-участливую гримасу.

– Нормально! – отмахнулся Зверев. – Но синяк, чую, будет приличный.

Недавние соперники развлекались разговором и с нетерпением поглядывали на совещавшихся судей.

Ожидание затягивалось. Напряжение росло. Наконец председатель судейской коллегии встал и громко объявил в микрофон:

– Победителем в боях профессионалов стал… – Он сделал театральную паузу.

Горчаков затаил дыхание: «Ну!»

– Константин Зверев! – тоном заправского конферансье выкрикнул председатель.

Трибуны взорвались ревом и свистом.

«Вот, блин!» – расстроился Олег, направляясь в сторону шатров. Считать удары во время боя было некогда, но ему показалось, что в этот раз счет был в его пользу. «Видно, не судьба», – Горчаков решил свалить свою неудачу на рок и фортуну. Но вышло как-то не очень. После того как Олег проиграл Константину весной в Эг-Морте на «Битве Наций – 2013», он за четыре месяца десятки раз просматривал запись их поединка. Горчакову казалось, что он учел все свои ошибки. Сегодня он выходил на поле с твердой уверенностью, что в этот раз он Зверева «сделает». И снова второе место. Обидно! «Ладно, – мысленно махнул рукой Олег, – второе место на чемпионате мира тоже не слабо! Пусть он чемпион в номинации «один на один на мечах», зато я чемпион в джостре! В конном бою мне не нашлось равных, а вот Костя сидит в седле, как коза на заборе!» Утешившись такими мыслями, Горчаков зашагал бодрее.

Когда Олег с Костей уходили с поля, их снимали сразу четыре оператора, забегавшие то спереди, то сбоку. С вопросами журналисты пока не лезли.

Добравшись до своего шатра, Олег непослушными, подрагивающими от усталости пальцами расстегнул боковые застежки шлема, снял его и положил на стол. Затем стянул с головы толстую подшлемную шапочку и подставил разгоряченное лицо приятному ветерку.

Пока Горчаков стаскивал латные перчатки, двое секундантов, приставленных к нему лигой WMFC, с которой он в мае заключил контракт, отстегнули и сняли большие наплечники. Дальше наступил черед «ожерелья», наручей с налокотниками и прочих прибамбасов. Освободившись от железа, Олег с наслаждением повел широкими плечами, вдохнул полной грудью и взъерошил короткие темно-русые волосы, которые были совсем мокрыми от пота.

Замок «Черного сокола», в котором проходил этот турнир, стоял на плоской вершине небольшой горы. Когда-то его опоясывали две крепостные стены. Первая проходила ниже по склону, и от подножия донжона ее не было видно. От верхнего пояса укреплений остались лишь несколько массивных круглых башен, фундаменты и отдельные фрагменты стен.

Во Франции хватало прекрасно сохранившихся замков, но для проведения международного турнира французы почему-то выбрали именно эти руины. Сначала Горчаков решил, что это из-за названия: «Турнир Черного сокола» в одноименном замке – звучит красиво.

Но сейчас он думал уже по-другому. Было в этом месте нечто неуловимое, чему трудно подобрать определение. Какая-то особая атмосфера старины, некая аура, что ли? Ну и эмблема, конечно, вышла запоминающаяся – у всех участников турнира на кирасах и щитах красовался его логотип – хищный сокол, широко раскинувший в полете черные крылья.

С вершины горы открывался шикарный вид на живописную долину, по которой петляла голубая лента реки. Багровый солнечный диск едва не касался покрытых лесом холмов.

Горчаков смотрел на красочный закат, и ему как-то даже не верилось, что этот день наконец-то завершился, Олегу он показался просто бесконечным.

Полюбовавшись панорамой, Горчаков прошел в красно-белый шатер. Константин был уже там. Развалившись в плетеном кресле, он потягивал апельсиновый сок. Олег тоже налил себе стакан, жадно выпил большими глотками, удовлетворенно выдохнул и начал расшнуровывать толстую поддоспешную рубаху.

– Не пойму, на фига тебе лишний вес? – лениво поинтересовался Зверев, имея в виду нашитую в проймах и на рукавах кольчугу. – Уколы запрещены правилами, – заметил он, разводя руками.

Горчаков стащил через голову тяжелый дублет и только потом ответил:

– А меня, Костя, эти лишние два килограмма как-то не напрягают. Здоровья вроде хватает.

Зверев скользнул взглядом по спортивной фигуре рослого, под метр девяносто Олега и согласно кивнул. «Такому бугаю можно и больше навесить» – было написано на его физиономии.

– Я хочу, чтобы все было достоверно, – продолжил меж тем Горчаков, – вспомни первые фестивали. Вспомни «Железный град» в Изборске. Тогда ведь никто из нас и предположить не мог, что появится такой вид спорта, как Исторический Средневековый Бой. А уж поучаствовать в чемпионатах мира по ИСБ – это вообще было из области фантастики. Люди просто собирались, чтобы совершить путешествие во времени. Несколько дней пожить в настоящем Средневековье. Были ведь не только бои. Еще были конкурсы костюмов, на которых каждый гордился тем, что его одежда и обувь, вплоть до последней пряжки, изготовлены строго по средневековым образцам. Я как заболел всем этим тринадцать лет назад, так с тех пор и стремлюсь к соответствию.

– Хватит заливать, – махнул рукой Зверев, – у тебя латы и меч из таких сталей, что средневековым мастерам и не снились. Твердость лучших сортов булата пятьдесят пять единиц. И то это только на клинках. А у тебя на доспехах сколько, шестьдесят?

– Не-е, Костя, ну ты вообще! – возмутился Олег. – Мне весной в джостре так копьем перепало! Да будь на мне средневековые латы, кирасу пришлось бы выбросить. А так ничего, сталь пружинная, термически обработанная, даже вмятины почти не осталось.

– Эх, жаль, бутербродами не запасся, – решил сменить тему Зверев. – У меня уже в животе урчит. Обед-то был скромно-диетическим.

– Это да, – согласился Горчаков, который уже успел размотать полосы ткани, что накручивали под наколенники, и как раз стаскивал плотные штаны. – Но лично мне сейчас больше всего хочется в душ, а поесть – это уже потом.

– Ну, душ – это само собой, – кивнул Константин, – середина сентября, а здесь печет, как у нас в июле! А мы с тобой сегодня по пять схваток провели, да по три раунда каждая, да в доспехах. Но все равно ты неженка, – неожиданно заключил он. – Говоришь, Средние века любишь? А представь себя в Крестовом походе, в песках Палестины. И где бы ты там душ-то принимал? Да и вообще, настоящему рыцарю часто мыться как-то даже неприлично. На досуге почитай, что про Генриха Четвертого современники писали: вонь его немытого тела разила острее, чем его шпага!

Зверев посмотрел на часы.

– Пора уже, пошли, – сказал он, поднимаясь, и направился к выходу. Горчаков быстро натянул спортивный костюм и поспешил следом.

* * *

Николь Байон, журналистка крупнейшей французской телесети TF-1, достала зеркальце, проверила макияж и удовлетворенно кивнула – все в порядке. Внешне она выглядела спокойной, но в душе Николь покоя не было. Она так страстно болела за Эмильена Жильбера, с которым состояла в близких отношениях, она так сильно желала ему победы! Но увы, Эмильен не вышел даже в четвертьфинал. Все призовые места опять поделили русские. Они уже третий год не подпускают никого к пьедесталу. Что, впрочем, не удивительно, поскольку они же и придумали этот новый вид спорта. Правда, этой весной их слегка потеснили: в двух групповых номинациях вторые места заняли украинцы и белорусы, да еще в «один на один» бронза досталась поляку. Но это было на чемпионате мира. А здесь, в Монбазоне, русские, как видно, решили показать, кто есть кто, и вышибли всех остальных еще до полуфинала. Бои будут и завтра, еще не во всех номинациях определились победители, но Эмильен в них участвовать уже не будет.

– Я начинаю верить тем, кто считает русских неотесанными варварами, – не сумевшая сдержать досады Николь обратилась к стоявшему поблизости журналисту из Си-эн-эн, – ибо только варвары могли придумать такой вид

спорта. Я всегда считала, что рыцарский турнир – это что-то красивое. А тут! Никакого изящества. Эти парни дерутся, как… – Байон запнулась, подыскивая подходящее сравнение. – Как простолюдины! – наконец нашлась она. – Это не благородное фехтование, а непонятно что! Обычная драка, как в смешанных единоборствах, только еще в доспехах и с мечами.

– А по мне, мисс, это спорт для настоящих мужчин, – ответил американец с усмешкой. – Мы в Штатах любим такие вещи. А еще я подозреваю, что тысячу лет назад рыцарские бои именно так и проходили.

– Что-то я не видела ваших соотечественников среди призеров ИСБ, – съязвила злившаяся на русских Николь и мысленно добавила в список «неприятных типов» еще и этого американца.

– Ну, нам-то это простительно, – не остался тот в долгу, – мы потомки простых фермеров. У нас никогда не было рыцарей. А вот вам, французам, такая ситуация должна казаться чертовски обидной, учитывая ваши традиции.

Байон не нашла что ответить и, надув губы, повернулась к центру арены.

* * *

Олег вышел из шатра как раз к тому моменту, когда рабочие заканчивали установку пьедестала. Рядом с ними топтались в ожидании журналисты и операторы.

Вскоре на поле выбежали юноши в одежде средневековых герольдов с украшенными яркими вымпелами горнами. Они выстроились вряд позади трех заветных ступеней, за право встать на которые сегодня было пролито столько пота!

– На арену приглашаются победители в номинации один на один! – разнесся из мощных динамиков голос распорядителя состязаний. – Дамы и господа! Я не слышу ваших аплодисментов! Давайте поприветствуем героев нашего турнира!

Под звуки фанфар и гул трибун на поле вышла первая тройка призеров. Солнце почти скрылось, и начали сгущаться сумерки. В этот миг на вершине донжона и

соседних башнях вспыхнули мощные прожекторы, их яркие лучи скрестились в центре арены.

Награждение проходило быстро, последними пригласили профессионалов.

Олег вышел на середину поля с гордо поднятой головой, окинул взглядом приветствующие победителей трибуны, легким полупоклоном поблагодарил зрителей и шагнул на вторую ступень.

Награды вручал представитель Ассоциации France Behourd, которая являлась организатором турнира. Горчаков получил крупную серебряную медаль с покрытым черной эмалью рельефным изображением летящего сокола, блестящий кубок и конверт с чеком на двадцать тысяч евро.

Едва профессионалы покинули пьедестал, как сразу попали в руки телевизионщиков. Зверева надолго задержала журналистка с TF1, задававшая вопросы по-русски, но на таком ломаном языке, что Костик с трудом ее понимал.

Сам Горчаков немного пообщался с земляками с российского канала РЕН. Суть всей беседы сводилась к тому, что он уже второй раз в этом году проигрывает бой Звереву. Журналистов интересовало, что он по этому поводу думает и не планирует ли отыграться на турнире WMFC «Knight Valor». Олег ответил: «Посмотрим, время еще есть», – и зашагал к «лагерю крестоносцев».

Зрители покидали замок по узкой дороге, которая, плавно понижаясь, огибала всю гору. Выход был только один, поэтому неудивительно, что между крепостной стеной и трибунами образовался затор, который тянулся до самых ворот. Олег оценил ситуацию и понял, что это надолго.

Еще в обеденный перерыв он обнаружил крутую тропинку, изрядно сокращавшую путь с вершины. Гора с замком высилась прямо в центре городка Монбазон, и до гостиницы, в которой остановился Горчаков, тут было рукой подать.

Олег еще раз с сомнением посмотрел на затор и решил воспользоваться короткой дорогой. Тем более что тащить доспехи ему было не нужно. Вместе с мечом они были уложены в специальную брезентовую сумку, которую позднее должны были привезти секунданты.

Приняв решение, Горчаков по зеленой лужайке обогнул донжон. С тыла замок защищала стена с башнями по углам. Когда-то в ней имелись ворота, от которых сейчас ничего не осталось. Поэтому Олег беспрепятственно покинул укрепление. Напротив входа для дополнительной защиты был выстроен круглый низкий барбакан.

С этой стороны гора густо заросла лесом. Местами на склоне виднелись покрытые редким кустарником светлые проплешины. Это на поверхность выходил серый известняк. Петлявшая среди деревьев тропинка была хорошо утоптана. Как видно, пользовались ею часто.

Горчаков бодрым шагом пересек каменистый пустырь, раскинувшийся вокруг барбакана, но едва он углубился в лес, как услышал впереди громкий голос:

– Tu as de la sacoche est descendu[1 - Ты что, с ума сошел? (Фр.)]? – удивленно спросил неизвестный и сразу же болезненно вскрикнул.

Заподозрив неладное, Олег перешел на легкий бег.

Первым, что он увидел за изгибом тропы, была мелькнувшая впереди среди деревьев светлая рубашка. И только потом он заметил лежавшего в кустах человека. Неизвестный, скрючившись, тихо стонал и прижимал руки к животу, а по его пальцам текла кровь.

Олег растерялся: «Что делать? Бежать за бандитом или помогать раненому?» Решив, что мужчина минут десять еще продержится, Горчаков бросился вперед.

Под пышными кронами сумерки были гуще. Плохая видимость и излишняя самоуверенность едва не погубили Олега. Он просто не ожидал, что преступник не станет убегать, а устроит засаду.

Злоумышленник внезапно выскочил из-за дерева перед самым носом Горчакова, которого в этот раз спасли только намертво вбитые боями и тренировками рефлексы. Олег еще не успел ничего подумать, а его мышцы уже действовали, разворачивая тело и выводя его из плоскости атаки. Лезвие ножа промелькнуло у самого его бока, едва не вонзившись в печень.

Горчаков отскочил в сторону, а здоровенный чернобородый араб, оскалив сверкнувшие в полумраке зубы, снова бросился на него. Но в этот раз злодей просчитался. Олега можно было застать врасплох только один раз, он качнулся в сторону, заученным движением отвел удар и тут же сомкнул пальцы на запястье противника. Рванув его на себя, Горчаков четко провел прием из боевого самбо.

Дальше Олег пнул обезоруженного врага в печень и хорошо добавил кулаком по челюсти, после чего араб перестал дергаться и обмяк. Горчаков выдернул из его штанов ремень и скрутил им руки. Затем связал вместе шнурки ботинок. Напоследок Олег сдернул с преступника брюки, решив, что со связанными за спиной руками и спущенными штанами он вряд ли далеко убежит, когда очухается.

Горчаков подобрал нож и метнулся было наверх, но тут же притормозил. Краем глаза он заметил под деревом, за которым прятался араб, какой-то продолговатый предмет. Олег быстро его поднял и увидел, что это кусок свинцовой трубы длиной сантиметров тридцать и толщиной в руку. Оба ее конца были расплющены и загнуты. Прихватив диковинку, которая, несомненно, имела какое-то отношение к преступлению, Горчаков побежал туда, где лежал раненый.

Склонившись над пострадавшим, Олег понял, что мужику совсем плохо, основное кровотечение у него, как видно, внутреннее. На соревнованиях по ИСБ всегда дежурила бригада врачей с машиной. «Медики не смогут уехать, пока не освободится проход, – подумал Горчаков, – значит, надо поторопиться». Он рванул с места, как спринтер на старте. Выскочив из леса, Олег зашвырнул свой трофей в баркан, заросший внутри густым кустарником. В таком же темпе он вернулся обратно, подхватил на руки раненого и рысью потащил в замок.

Глава 2

Подпрыгивая на кочках, белая «Нива» катилась по заброшенной лесной дороге. Под днищем скреблась и шуршала густая трава. Через раскрытые окна в салон лились неповторимые запахи осеннего леса. Пахло травами, хвоей, пылью и чем-то еще, чему Роман Горчаков затруднялся дать определение.

– Уф! – выдохнул он сквозь зубы и нажал на тормоз. – Черт меня понес по Ярославскому шоссе! Надо было на развилке на Московское свернуть и подъехать с другой стороны.

Дальше пути не было. Старая дорога между деревнями Рязанцы и Киримово, на которую Горчаков недавно свернул, вначале показалась ему вполне проходимой. Но не проехав и полутора километров, Роман уперся в заросли лещины с торчащими то там, то здесь молоденькими березками и елями.

Недовольный собой, Горчаков выбрался из салона и постоял, прислушиваясь. Но кроме шелеста листвы над головой и стрекота кузнечика где-то в траве он ничего особенного не услышал. Роман задумчиво почесал затылок. На сегодня он планировал чисто ознакомительную поездку, что-то типа разведки местности.

Нет, в глубине души он, конечно, надеялся: чем черт не шутит, а вдруг ему вот прямо сейчас возьмет да и улыбнется госпожа удача. Не все же ей кормой поворачиваться!

Поэтому Горчаков ехал, не шибко газуя и с открытыми окнами. Голос человека, не говоря уж о мычании коровы, он бы непременно услышал. Попутно он собирался замерять магнитный фон своим новым прибором.

«Ну, да ладно, мы не гордые, можем и пешком прогуляться», – решил Роман.

Он достал магнитометр, запер машину и тронулся в путь. Отсюда до деревни Рязанцы надо было пройти еще пару километров. Сама деревня Горчакова не интересовала, до нее он мог бы с комфортом доехать и по Московскому шоссе.

В эти места Романа привлекла любопытная история, которую он нашел в «Справочнике сталкера» группы «Космопоиск». Там были опубликованы воспоминания жительницы деревни Рязанцы, которая со своим ухажером как-то вечером шла по старой дороге на Киримово. Проходя через лес, молодые люди внезапно услышали голоса, лай собак, мычание коров, шум и смех. Они испуганно огляделись и поняли, что звуки доносятся с совершенно пустого места. Не было там никакого жилья, только лес. Девушка и парень какое-то время простояли в полной растерянности, а потом тихонько отступили подальше от странного места и быстро пошли в сторону своей деревни.

По мнению Горчакова, эта история тянула на акустический хрономираж. Обычные-то миражи физики давным-давно объяснили. Но вот как быть с теми случаями, когда люди видят картины, отделенные от них не расстоянием, а самим временем?!

Роман имел собственную версию устройства Вселенной, чем невероятно гордился. И в эту его модель хрономиражи укладывались почти что идеально. В мечтах Горчаков видел себя в роли изобретателя Шурика из фильма «Иван Васильевич меняет профессию». Он очень надеялся, что когда-нибудь тоже сможет сказать: «Я могу пронзить пространство и время! Я могу продвинуться на сто, на двести лет назад и увидеть древнюю Москву!»

Поэтому Роман активно изучал те аномальные зоны, в которых время, по утверждению очевидцев, выкидывало различные фортели. Он много раз бывал в Пермской аномальной зоне, прозванной М-ским треугольником. Там действительно отставали или даже вовсе останавливались часы, но Горчаков пришел к выводу, что завихрения времени здесь ни при чем. По его мнению, в Молебкинском треугольнике во всем были виноваты электромагнитные поля, которые портили электронику и механические часы.

После неудачи на Урале самые большие надежды Роман возлагал на Самарскую Луку. Там хрономиражи регулярно наблюдались аж с десятого века. Кое-какую информацию он в Жигулях собрал, но мало, на таком материале межпространственную машину не построишь.

Тем не менее Роман продолжал надеяться и верить. Сейчас он больше всего походил на пробирающегося по лесу сапера. Горчаков шел, выставив перед собой магнитометр и уставившись на его стрелку. И вдруг она заметалась! А потом Роман услышал за спиной чьи-то осторожные шаги. Он резко развернулся. Но сзади никого не было. Горчаков утер выступивший на лбу пот, двинулся дальше и услышал позади хруст ветки под чьей-то ногой. Роман вздрогнул, и тут до него дошло! Он с облегчением выдохнул и медленно повернулся. Зашуршала пожухлая трава, как будто невидимка приближался к Горчакову.

– Да пошел ты! – весело сказал ему Роман и отступил на несколько шагов.

– Да пошел ты! – услышал он из пустоты собственный голос и вздрогнул, несмотря на то что был к этому готов. Очень уж непривычно. Так и в самом деле

можно во всякую чертовщину поверить.

Сказать, что Горчаков обрадовался, значит, не сказать ничего. Роман был просто в восторге.

– Охренеть! – сообщил он ближайшему дереву.

И тут же зажал себе рот ладонью и шагнул в сторону.

– Охренеть! – прозвучало над ухом.

«Прикольно, но лучше помолчать, – решил Горчаков. – Надо же! Я, блин горелый, в такую даль ездил, – подумал он, – а то, что мне нужно, нашел в сорока пяти километрах от Москвы! Нет, Рома, ты не прав, – одернул он себя. – Появись ты здесь в другое время, ничего бы ты не увидел. Это да!» – согласился Горчаков со своим внутренним голосом, потому что тот был прав.

Все дело было в солнечной активности. Именно она заставила Романа бросить другие дела и поехать к ближайшей аномальной зоне, отмеченной на его подробнейшей карте, в которой разными, понятными только составителю значками были помечены все места, где хоть раз происходило что-то необъяснимое.

Предыстория этого похода была такова.

В последние несколько дней в природе творилось что-то неладное: вспышки на солнце следовали одна за другой, от чего на Земле бушевала затянувшаяся геомагнитная буря. Вчера вечером над Москвой полыхало настоящее северное сияние – потрясающее зрелище!

Выглядело это так, будто воздушные потоки каким-то чудом обрели цвет. Мерцающие зеленым светом реки неслись над столицей, закручивались в водовороты и срывались ступенчатыми водопадами. Красиво! Ничего не скажешь.

Вот только пока длилось это шоу, невозможно было никуда дозвониться. Эта маленькая неприятность и подтолкнула Горчакова к мысли с утра пораньше

смотаться за город и прокатиться по заброшенной дороге у деревни Рязанцы. Правда, сначала пришлось звонить начальнику и выпрашивать отгул, но это уже пустяки по сравнению с результатом.

«Оно того стоило! – думал довольный, как кот у сметаны, Роман, – это вам не какие-то там отставшие часы. Здесь все серьезнее. Прежде подобное «эхо» только в аномальных зонах Англии слышали. Да и то редко. Это же не классический вариант, когда звук отражается от каких-то предметов, это ЭХО долетает из другой реальности. Человек слышит самого себя, идущего в Прошлом Времени две-три секунды назад. Здесь есть локальное искажение пространства-времени, – с замиранием сердца подумал Горчаков, – а если еще вспомнить звуки несуществующей деревни? Ух, египетская сила! Мне бы только параметры засечь. А чего я тут стою? – спохватился размечтавшийся Роман, – пока зона активна, надо срочно отметить ее границы, и бегом домой за «тяжелой артиллерией», – так он называл приборы для детального изучения электромагнитных полей.

Горчаков положил магнитометр на землю, в том месте, где его стрелка начала плясать, и быстрым шагом пошел обратно к машине. Он собирался достать из багажника топор, наделать колышков, затем с помощью прибора определить контур аномальной зоны и отметить его. На ходу взволнованный Роман подумал, что с помощницей было бы быстрей, но дочь в этом году поступила в медицинский колледж.

А прежде Вика часто помогала ему в изысканиях. Сначала Горчаков решил, что это у нее не серьезно. Ну, просто захотелось девчонке выглядеть в глазах одноклассников крутой сталкершей, ан нет. Вика увлеклась этим делом по-настоящему.

Мысли о дочери напомнили Роману о последнем разговоре с братом. Жена хотела познакомить того со своей подругой, но Олег сказал, что со своей личной жизнью он как-нибудь и сам разберется.

– Ну и характер у младшого, – пробурчал себе под нос Горчаков, открывая багажник «Нивы», до которой он как раз добрался, – никакой дипломатичности! Рубит сплеча все что думает! Мать ему уже и так, и этак: жениться, мол, пора. Двадцать восемь лет, куда еще тянуть? Годы пролетят, не успеешь и заметить. Мне вон в этом году сороковник стукнул, а кажется, только недавно из армии вернулся. А ну его! – закрыл тему Роман.

Достав топор, он начал оглядываться в поисках подходящего материала. Младшего брата Горчаков любил и гордился – как-никак, а братец чемпион мира! Одна беда: Исторический Средневековый Бой Роман настоящим спортом не считал и часто сожалел, что Олег ушел из бокса.

– Вот если бы он там призы брал, – вздохнул Горчаков, – таким родственником и похвастаться было бы не грех. А так приходится каждому объяснять, что это за спорт такой – ИСБ.

Занятый своими мыслями, он не обратил внимания на донесшееся из леса мычание коровы. Потом залаяла собака.

– Ешкин кот! – Роман бросил топор и ломанулся через кусты, как лось во время гона. Ветки больно хлестали по рукам, но он не обращал на это внимания.

Горчакову понадобилось лишь несколько минут, чтобы добежать до того места, где он оставил магнитометр. Вернее, не совсем до того. До прибора он так не добрался. Еще на подходе он разглядел меж деревьев призрачные силуэты.

Остановившись шагах в десяти от хрономиража, запыхавшийся Роман ставшими вдруг непослушными пальцами выудил из кармана телефон и включил камеру. Его трясло от возбуждения. Картинка в телефоне металась и прыгала. Горчаков прижал руку к шершавой, пахнущей сосновой смолой коре ближайшего дерева. Стало получше.

– Надо же, надо же, – шептал Роман.

Это была фантастика! Прямо какой-то голливудский спецэффект! Он видел перед собой настоящее древнерусское село. По зеленому не по-осеннему лугу вилась серая лента дороги. Вдоль нее были разбросаны деревянные домики: низкие, с узкими, как амбразуры дотов, окошками, срубленные из потемневших от непогоды бревен. Горчаков вспомнил, что такие оконца назывались «волоковые». О том, что это было именно село, а не деревня, говорила высокая деревянная церковь. Еще Роман видел женщину в ближайшем дворе и мальчишку лет двенадцати, который загонял хворостиной корову в ворота.

Через все это просвечивались деревья, но изображение было четким. А еще был звук. Роман понимал, что он стал свидетелем редчайшего явления. Обычно бывает что-то одно. Если картинка, то как немое кино. А чтобы вот так, со звуком, таких случаев – раз-два и обчелся.

«Фильм» продолжался четыре с половиной минуты. Потом все исчезло. Без всякого перехода – раз, и нету. Несколько секунд Горчаков стоял не в силах пошевелиться. Потом опомнился и бросился искать побывавший в мираже магнитометр. «Надо записать показания, вдруг пригодится», – подумал он.

Глава 3

Узел с одеялами, подушками и постельным бельем никак не желал пролезать.

– Ну что ты будешь делать! – раздосадованному Олегу надоело изображать из себя Санта-Клауса, чей здоровенный мешок застрял в дверях.

Он свалил узел на крыльцо и с трудом подавил желание как следует его пнуть. Горчаков критически осмотрел дверной проем, но так и не понял: то ли дверь была и впрямь узковата, то ли это он сам переусердствовал в желании захватить все сразу.

– Ладно, – махнул рукой Олег, развязал узел, быстренько перетаскал вещи и вытер честный трудовой пот.

Горчаков давно собирался сделать что-то с квартирой, доставшейся ему в наследство от деда. Новые обои и напольное покрытие – это само собой. Еще он хотел снять все двери и навесить что-то симпатичное и веселенькое, а то вид какой-то казенный. Но больше всего претензий было у него к старой, еще советской ванне. Надоело Олегу топтаться в тесном корыте под душем, а потом корячиться с тряпкой, убирая разлитую вокруг воду. Поэтому ванну он планировал убрать и установить что-нибудь эдакое, заграничное, пониже и пошире. И обязательно огородить прозрачным пластиком, чтобы получилась нормальная душевая.

И вот теперь, когда он немного подзаработал на турнире, Олег решил это дело больше не откладывать, а заняться ремонтом немедленно.

Возвратившись в Москву, Горчаков сразу же начал укладывать вещи и перевозить их на родительскую дачу.

Дальше он собирался нанять бригаду таджиков, оставить им ключ от квартиры и спокойно заниматься другими делами. А они у него были! Олегу не терпелось разобраться со своим трофеем, взятым им в честном бою у замка «Черного сокола».

Из-за найденной под деревом штуковины Горчакову пришлось покинуть Францию чуть раньше, чем он планировал.

Его появление в замке с раненым мужчиной на руках вызвало настоящий переполох. Передав пострадавшего в руки медиков, Олег побежал обратно, чтобы приволочь еще и преступника, а за ним увязалась целая толпа из участников турнира. Араб оказался прытким, он сумел как-то выбраться из ботинок со связанными шнурками и из брюк. Тратить время на освобождение рук он не стал, а сразу пустился наутек, без штанов и босиком. Еще чуть-чуть – и он бы удрал. Но мужику крупно не повезло: три десятка тренированных спортсменов рассыпались по лесу и быстро изловили злоумышленника.

К тому времени, как торжествующие охотники привели в замок бесштанового пленника, уже успела приехать полиция. В итоге Горчакова забрали в участок для дачи показаний. Свою мечту о душе и ужине он сумел осуществить только ближе к полуночи.

Но и на этом приключения не закончились. Наутро его подняли ни свет ни заря бравые парни в синей форме и смешных фуражках. Господа полицейские потребовали отдать им кусок свинцовой трубы, который Олег якобы унес с места преступления.

– Месье, я не понимаю, о чем идет речь. Кесь ке се, месье? Какая, на хрен, труба?! – отвечал Горчаков, глядя в лица служителей закона «честными» глазами.

С нахальными усмешками французы сунули ему под нос ордер и перерыли все вещи. После чего покинули номер, даже не извинившись.

– Вот козлы! – проводил их добрым словом Олег.

После утреннего происшествия Горчаков понял, что он загостился во Франции и ему пора на родину. На состязаниях второго дня турнира Олег хотел присутствовать в качестве зрителя. Но теперь его планы круто изменились. Быстро позавтракав в гостиничном ресторане, Горчаков вышел на улицу и уселся в стоявшее поблизости такси. В переводчике он не нуждался.

Как только Олег узнал, где будет проходить очередной чемпионат, он немедленно занялся французским. Надоело ему играть роль глухонемого.

От незнания языка Горчаков уже натерпелся в Варшаве, на «Битве Наций – 2012». Да так, что лучше и не вспоминать. «Все, с меня хватит!» – решил Олег после близкого знакомства с польским гостеприимством. Гордые поляки крепко не любили Россию и, едва заслышав русскую речь Горчакова, сразу переставали понимать не только слова, но и язык жестов.

Впрочем, в данной ситуации особых познаний в языке не требовалось. Олег сказал только одно слово: supermarche.

Супермаркет находился на той же улице, что и гостиница. Надо было проехать всего два квартала. Такси обогнуло гостиницу и выехало на проспект Насьональ, проходивший у подножия замковой горы. И тут Горчаков был неприятно удивлен, увидев на обочине несколько полицейских машин. Французские жандармы либо осматривали место происшествия при дневном свете, либо прочесывали лес в поисках важной улики, которая, вероятно, являлась мотивом преступления. Но Олег не верил, что они смогут что-то найти, даже если используют собак. Он не приближался к барбакану, а зашвырнул находку с разбега, когда до стены оставалось еще метров десять.

Приобретя в магазине ножовку по металлу, Горчаков вернулся в свой номер, сложил вещи и промаялся часа два, после чего вышел на разведку. Обойдя здание, он посмотрел на гору и обнаружил, что полицейские уехали. Обрадованный этим открытием, Олег вернулся в номер и позвонил в аэропорт Тура, пригородом которого фактически являлся Монбазон. Прикинув, сколько

потребуется времени, он заказал билет на двенадцатичасовой рейс, сунул ножовку в пакет и отправился «на дело».

Горчакова беспокоил вопрос: а не установила ли полиция за ним слежку? Поэтому он шел не спеша, со скучающим видом – типа прогуливался. Ну и по сторонам посматривал внимательно.

Ничего подозрительного Олег по дороге не обнаружил, но решил подстраховаться. Зайдя в лес, он присел за деревом и выждал минут пятнадцать, чтобы узнать, не идет ли кто-то по его следу.

Никого не обнаружив, Горчаков двинулся по тропе. Шел он осторожно, стараясь не шуметь. Периодически Олег замирал на месте и прислушивался, но кроме отдаленного гула, долетавшего сверху из замка, где уже начались соревнования, никаких других звуков он не слышал.

Место, где вчера лежал раненый, было огорожено желтой полицейской лентой. Добравшись до барбакана, Горчаков прикинул, откуда он сделал бросок. Потом подошел к низкой стене, подпрыгнул, зацепился пальцами за край, подтянулся, нащупал ногой неровность грубой кладки, оттолкнулся и навалился грудью на гребень.

Перебравшись через стену, Олег около получаса потратил на поиски в густых зарослях, пока наконец не обнаружил злополучную трубу. Он придавил ее к земле левой рукой, а в правую взял ножовку. Надпилил, развернул, потом еще. Тонкий свинец поддавался быстро и легко. Обрезав расплющенный конец, Горчаков заглянул внутрь и увидел свернутые в трубку листы бумаги. Он вытащил рулончик и осторожно развернул. Бумага была грубой и шершавой, желтовато-серого цвета. Листов обнаружилось шесть, размером примерно как для принтера, только чуть шире. На четырех листах был текст, а на двух – чертежи с подписями.

Как понял Олег, на одном листе был изображен квартал какого-то города, а на другом…

– Черт его знает, что это может быть? Больше всего похоже на план сусликовой норы, – прокомментировал свою находку Горчаков, – или это пещера?

Старинные документы из чужой страны Олег вывез элементарно: купил офисную папку, сунул в нее расправленные бумаги и уложил в чемодан.

В первый же вечер дома Горчаков попытался понять, что же он такое привез. На каком языке текст, догадаться было не сложно. Вот только онлайн-переводчика со старофранцузского на русский в Сети не нашлось. Был и другой способ – изучить этот язык самому.

– Не-е-е, так я до китайской пасхи провожусь, – решил Олег, – надо найти специалиста! Только сначала с квартирой разберусь.

Разложив постельные принадлежности, Горчаков вышел во двор, забрал последний узел и закрыл багажник внедорожника.

Специалиста по старофранцузскому он вчера нашел. Не так это и сложно. В Москве можно найти кого угодно. Собственно, это и поисками назвать было нельзя: Олег обратился в МГУ и ему порекомендовали молодого преподавателя с романо-германского отделения филфака, который оказался чуть ли не его ровесником. Звали специалиста Игорь Петрович, и он согласился посмотреть тексты Горчакова.

И вот теперь, раскладывая полотенца и нижнее белье, находившиеся в последнем узле, Олег думал, как ему лучше поступить. Взять и вот так показать сразу все он опасался, тем более что там были и загадочные чертежи.

Горчаков сгреб в охапку носки и повертелся на месте, соображая, куда бы их пристроить, потому что в шкафу уже не осталось свободного места. Не придумав ничего лучше, Олег свалил их кучей на книги, которые до этого сложил на подоконник – вышло очень изящно.

– А мы вот так! – сказал Горчаков и задернул занавеску.

Облегченно вздохнув, он включил принтер, заложил в него бумагу и достал из чемодана папку с документами.

Сначала Олег скопировал лист, на котором было меньше всего текста. Он был верхним в стопке, и Горчаков решил, что это что-то типа вступления или

пояснительной записки. Дальше он скопировал план «сусликовой норы» или пещеры. Олег не собирался его никому показывать. Дело было в том, что в одном из залов пещеры красной тушью была нарисована шкатулка, а под ней имелась длинная надпись. Горчаков хотел узнать: что это? Поэтому он нашел ножницы и вырезал часть листа со шкатулкой и надписью.

– Для начала хватит, – решил Олег, – а дальше посмотрим: стоит ли показывать остальное или лучше самому учить старофранцузский.

Переодевшись, Горчаков выгнал машину на улицу, запер дачу и прикрыл ворота. Садовое товарищество «Институтское» располагалось в пятидесяти километрах от столицы, по Ленинградскому шоссе. Сюда не было даже нормальной дороги: от поворота с трассы сначала шел узкий двухполосный асфальт, а затем разбитая, местами присыпанная гравием грунтовка. Поэтому дачники старались завершить сезон до того, как начнутся дожди, чтобы ненароком не увязнуть в грязи. Сегодня было уже восемнадцатое сентября, и народу в товариществе практически не было. Проезжая по узким улочкам дачного поселка, Олег заметил людей только на двух участках.

Рядом с закрытыми воротами садового товарищества стоял домик сторожа, которого в данный момент нигде не было видно. Горчаков вылез из внедорожника, открыл ворота, выехал, потом закрыл. Сторож так и не появился. Олег покачал головой, сел в машину и поехал в Москву.

До университета Горчаков добрался как раз к концу последней пары. Он нашел аудиторию, в которой читал лекцию Игорь Петрович, и встал напротив дверей у окна. Через какое-то время створки распахнулись, и коридор заполнили будущие филологи. Дождавшись, когда выйдут студенты, Олег вошел в зал. Преподаватель собирал бумаги и складывал их в портфель.

– Здравствуйте, Игорь Петрович! – поздоровался Горчаков, остановившись у стола.

– А, это вы, – поднял голову специалист по германо-романским языкам, – здравствуйте! Принесли тексты?

– Пока только один, – ответил Олег и полез во внутренний карман пиджака. – Вот, – протянул он сложенный листок.

Игорь Петрович сел за стол, развернул бумагу и начал читать сначала про себя. После первых же строчек он удивленно поднял брови и покачал головой. А дальше его физиономия и вовсе вытянулась.

– Э-э-э… послушайте, Олег Иванович… это… э-э-э… копии с подлинника? Или это просто розыгрыш? Поймите меня правильно, но я не верю, что подобный документ когда-либо существовал. Так что ваша просьба больше смахивает на шутку, – преподаватель строго посмотрел на Горчакова.

А тот даже как-то растерялся. «Что за ерунда? – подумал Олег, – что он там такого вычитал?»

– Игорь Петрович, я не знаю, с подлинника ли я снял копию, но за эти бумаги едва не зарезали человека, – холодно сообщил задетый Горчаков, – и быть может, вы наконец прочтете вслух? Я обратился к вам, чтобы узнать, что там написано.

– Извините, – повинился специалист, – я не хотел вас обидеть. Да, конечно, сейчас прочту.

Игорь Петрович дрожащими от волнения руками разгладил лежавшую перед ним бумагу и начал читать, сразу переводя на русский:

– Тучи над орденом сгущаются. И надо быть слепым, чтобы не увидеть этого. А я хоть и стар, но, благодарение господу, не слеп! Посему призвал я ныне братьев – рыцаря Гуго де Шалона и рыцаря Жерара де Вилье и дал им поручение: нынешней ночью тайно вывезти архив и казну ордена из замка Тампль. Сначала сушей в Ла-Рошель, где стоит флот ордена. А оттуда морем в наше шотландское командорство. Но все в руках божьих. И не дано никому знать помыслы его. Посему изъял я из архива самые важные бумаги, не решаясь доверить их судьбу изменчивой стихии. Бумаги сии я передал графу Филиппу де Боже, сыну друга моего, ныне, увы, почившего, дабы он укрыл их до поры до времени в стенах своего замка. Писано в четверг, в двенадцатый день октября тысяча триста седьмого года. Внизу подпись: «Милостью божьей, Великий Магистр ордена Бедных Рыцарей Христа и Храма Соломона, Жак де Моле».

Закончив чтение, Игорь Петрович поднял глаза на ошарашенного Горчакова.

– Олег Иванович, как я понимаю, самые важные документы из архива ордена тамплиеров находятся у вас? – спросил он вкрадчивым тоном.

– Э-э-э, – растерянный Горчаков не знал что ответить, – ну-у-у… в общем… да, у меня, – промямлил он.

– Мне бы очень хотелось с ними ознакомиться, – преподаватель вопросительно посмотрел на Олега, – из, так сказать, научного интереса, – добавил он. – А вообще вас можно поздравить! Если вы выставите эти документы на аукцион, то сможете выручить за них до двухсот тысяч фунтов.

Интерес в глазах Игоря Петровича Горчаков видел, но готов был поклясться, что к науке он не имеет никакого отношения.

– Я покажу вам бумаги, но чуть позже, – ответил Олег, – а пока не могли бы вы прочесть вот эту надпись?

С этими словами он достал и протянул специалисту кусочек, вырезанный из плана. Когда Игорь Петрович на него взглянул, Горчакову на миг показалось, что преподаватель сейчас грохнется в обморок.

– Здесь мы нашли ковчег Завета, но тронуть его не дерзнули, – начал преподаватель дрожащим голосом. – Потому что получили известие о падении Яффы. Другой гонец привез весть, что дорога на Антиохию перекрыта войсками Саладина. Скоро Иерусалим будет осажден неверными. Мы составили подробные планы и засыпали вход в подземелья под храмом Соломона. Восемь наших братьев поклялись, что доставят эти планы в Антиохию или умрут.

Игорь Петрович положил бумажку на стол, достал платок и вытер вспотевший лоб. Лишившийся дара речи Олег пытался переварить услышанное, но мысли путались, и получалось плохо.

– Если ваши бумаги подлинные, то вы, Олег Иванович, миллионер! – нарушил затянувшееся молчание преподаватель. – Я затрудняюсь сказать, сколько можно запросить с правительства Израиля за информацию о местонахождении ковчега Завета!

– Да, я тоже, – рассеянно кивнул Горчаков и сгреб со стола бумаги, – спасибо вам большое за помощь, извините, но у меня есть еще дела, я должен идти, – говоря все это, Олег пятился к двери, – всего доброго! – кивнул он и развернулся.

– Олег Иванович! – задержал его преподаватель.

– Да, – обернулся Горчаков.

– Мне право же неловко, но вы на машине?

– Да, – еще раз кивнул Олег.

– Тогда вы не могли бы меня подвезти? Здесь недалеко. Мой транспорт в ремонте, – смущенно улыбнулся Игорь Петрович.

– Да, конечно, без проблем! Буду рад оказать услугу! – рассыпался в любезностях Горчаков.

Глава 4

Вернувшись на дачу, Олег не смог подъехать к воротам, потому что перед ними стоял бортовой «КамАЗ». Четыре мужика сгружали с него бруски, рейки и затаскивали во двор. За «КамАЗом» виднелась белая «Нива» Романа. Озадаченный, Горчаков вылез из машины и прошел на участок через калитку. Наблюдавший за разгрузкой брат, завидев его, чуть ли не бегом бросился навстречу. «Чего это с ним?» – удивился Олег. Роман выглядел так, будто выиграл в лотерею: улыбка до ушей, глаза горят.

– Привет! – он протянул руку.

– Здравствуй, Рома! – поздоровался Олег, отвечая на рукопожатие. – А чего это тут затеял? – задал он вертевшийся на языке вопрос.

– Олег! Я на пороге великого открытия! – брат гордо приосанился и напустил на себя важный вид.

Выглядело это несколько комично: высокий, худой, с взъерошенными волосами, Роман напоминал сейчас сумасшедшего ученого из американских боевиков.

– Эк тебя накренило, – посочувствовал Олег, – ты что, машину времени изобрел?

– Смейся, смейся, – покивал брат, – а я, быть может, скоро Нобелевскую премию получу! Осталось только испытания провести. И сколько раз я тебе говорил, что это не машина времени! По крайней мере в том виде, как все это представляют. Это установка для межпространственных перемещений.

– Испытания? – насторожился Олег и покосился на растущий штабель. – А она у тебя что, из дерева будет, установка эта?

– Из дерева только рама. Для начала надо собрать правильную полусферу, – пустился в объяснения Роман. – Из металла в домашних условиях такое не сделаешь. Надо где-то заказывать, а это дорого…

– А испытания ты собираешься проводить здесь, на участке? – перебил брата Олег.

– Ну, не совсем на участке, – загадочно ответил тот.

– А «не совсем» – это как? – не понял Олег.

– Я планирую собрать установку на чердаке. И еще хочу, чтобы ты мне в этом помог.

Слегка обалдевший от такого заявления, Олег посмотрел на высокую крышу.

– А почему на чердаке? – спросил он.

– Понимаешь, – замялся Роман, – я хочу, чтобы все оставалось в тайне, пока я не запатентую открытие. А сделать это будет можно только после испытаний. Вдруг у меня ничего не получится. У меня же нет строгих расчетов. Я больше

полагаюсь на интуицию. А сама установка столь проста, что в ней любой электрик за полчаса разберется. Поэтому до поры до времени лучше ее никому не показывать.

«Ну, все, блин! Пропала дача! – расстроился Олег. – Отправит ее братец в какое-нибудь другое измерение».

– Дача принадлежит родителям, – напомнил он брату.

– Так они разрешили! – ответил с довольной ухмылкой Роман.

– Угу, кто бы сомневался! – саркастически усмехнулся Олег. – Чтобы увидеть тебя нобелевским лауреатом, мама и пожар здесь устроить позволит. Да вот только я тебе не мама! Поэтому говорю, как Спаситель Иоанну: Рома, блин! Такие опыты надо проводить в специально отведенных для этого местах!

И тут он вспомнил все, что слышал о большом адронном коллайдере.

– Э-э-э, Рома, а ты точно знаешь, что делаешь? – спросил Олег, пораженный страшной догадкой. – Ты тут ненароком «черную дыру» не устроишь? Слушай, давай как-то без жертв. Тут же до Москвы полсотни километров!

– Да брось, Олег! – отмахнулся Роман. – Ты что, меня совсем тупым считаешь? Параллельные Вселенные и без того между собой связаны чем-то вроде квантовых суперструн. Это как многоэтажный дом. Шахта лифта в нем уже есть. В ней висит трос – бесконечно длинная квантовая струна. Осталось только прицепить к тросу кабину, и поехали!

Младший Горчаков был против испытаний на родительской даче. Жалко ему было такого уютного домика. Тем более что он только что перевез в него свои вещички. А ну как испарятся в результате неудачного эксперимента? Олег был полностью солидарен с Иваном Васильевичем Буншей из известного фильма, который считал, что опыты надо ставить на работе, а дома электрическую энергию надлежит использовать исключительно в мирных целях.

Но, как говорится, кто сам без греха – возьмите камень. Положа руку на сердце, следует признать, что первым начал Олег. Это он выстроил на даче кузницу и

мастерскую. И Роман не упустил случая ему об этом напомнить.

– Ну да, – отвечал Олег, – не в квартире же мне этим заниматься!

Он был известным в определенных кругах мастером. К нему часто обращались с заказами на доспехи и оружие. Нередко Горчаков делал что-то и просто так, а потом выставлял на продажу через Интернет.

После длительной дискуссии братья пришли к компромиссу: Олег поможет Роману построить на чердаке «установку для межпространственных перемещений», но испытания начнутся только после того, как он вернется в свою отремонтированную квартиру.

Руки у Горчаковых росли из нужного места, в чем была немалая заслуга их деда. Он был плотником еще той, «старой» школы и застал времена, когда нанимавший мастера хозяин первым делом смотрел на его инструменты. Если ручка у топора такая, как сейчас продают в магазинах, если ножовка тупая, а зубья на ней разведены криво, то такому «специалисту» сразу давали от ворот поворот. Считалось, что если плотник не может сделать себе ручку на топор, чтобы смотрелась как произведение искусства, если не в состоянии изготовить себе рубанок, чтобы любо-дорого было посмотреть и чтоб строгал как положено, то на хрена, простите за выражение, такой «мастер» нужен? Тот, кто не может сработать даже для себя, постороннему человеку такого напортачит!

В общем, поднатаскал дед братьев, и инструментов после него осталось – на бригаду хватит.

Как только уехал разгруженный «КамАЗ», Горчаковы бодро принялись за работу.

Лес поднимали через чердачное окно: раздевшийся до пояса Олег, играя накачанными мышцами, с хеканьем вскидывал длинные бруски и пихал концом в окошко. А обладавший более скромной комплекцией Роман, кряхтя, протаскивал их дальше. Сам он считал себя худощавым, но жилистым. Вот только последнего в присутствии Олега лучше было не говорить. Во избежание лекции о том, как полезно заниматься спортом.

Строительные работы на даче затянулись на неделю. Сначала братья прибили к стропилам горизонтальные балки на разной высоте, потом установили целый лес

вертикальных стоек. Дальше Роман вбил в центре пола большой гвоздь, привязал к нему длинный шнур с петлей на конце, в которую вставил карандаш. Получился гигантский циркуль, с помощью которого на стойках сделали разметку. Затем Горчаковы начали крепить к брускам длинные рейки: Олег, как самый здоровый, их гнул, а Роман прибивал.

В конце концов на чердаке появилось полукруглое сооружение, похожее на каркас монгольской юрты. На последнем этапе братья, пыхтя, заволокли наверх два тяжеленных трансформатора, а в заключение обвешали «каркас юрты» открытыми металлическими коробочками с причудливо изогнутыми сетками внутри и опутали паутиной проводов.

– Прямо шедевр в стиле сюр, – объявил Олег, обходя постройку, – хоть сейчас на выставку!

Роман тем временем настраивал установку. Стоя на рейках, как на лестнице, он с помощью лазерной указки нацеливал коробочки, которые именовал излучателями, на белый кружок, нарисованный на полу в том месте, где прежде торчал гвоздь.

– Все, последний, – доложил он, спустившись с самого верха «юрты». – Осталось только рубильник включить, – Роман кивком указал на свежеустановленный электрощит.

– И че будет? – лениво поинтересовался Олег.

– Теоретически сначала должно появиться облако холодной плазмы, – брат говорил таким тоном, будто только что получил Нобелевскую премию и теперь давал интервью. – Потом в этом облаке должно замедлиться время. Как только оно сравняется со временем другой реальности, по границе облака произойдет разрыв пространства, и образуется кабина лифта, о которой я тебе говорил.

– А дальше? Как и куда этот шарик поедет? – Олег бросил изображать из себя «нового русского» на отдыхе и спрашивал уже серьезно.

– Наша реальность просто вытолкнет чужеродный предмет, и он полетит со скоростью… – Роман не придумал, с какой именно, поэтому махнул рукой и закончил: – В общем, почти мгновенное перемещение.

– А дышать этой плазмой можно? – спросил практичный Олег.

– Э-э-э, – Роман немного растерялся. – А черт его знает! – пожал он плечами. – В принципе, ионизированным воздухом можно дышать, но если до такой степени, то не знаю. Кроме того, плазма будет холодной не только по названию, – добавил он. – Излучение начнет срывать электроны с орбит, и пойдет процесс электромагнитного охлаждения. Если отправлять людей, то лучше в скафандрах и с дыхательными приборами. Хотя… – Роман задумчиво поскреб подбородок. – Все это будет быстро, максимум тридцать секунд. Так что, наверное, можно просто задержать дыхание и типа нырнуть. Но о людях говорить еще рано. На первый раз я хочу отправить какой-нибудь предмет.

– Да? И какой же? – задавая этот вопрос, Олег пытался угадать, какую посылку хочет отправить братец в другое измерение. Не угадал!

– А вон, – Роман указал большим пальцем на старый табурет, на который он становился, когда прибивал рейки.

Олег не выдержал и рассмеялся, представив, как кому-то в иной реальности падает на голову появившийся из ниоткуда ободранный табурет.

– Да, – покачал он головой, – посылка что надо! Сразу поймут, что от братьев по разуму!

– Ага, и отволокут в музей, – подхватил Роман, – а вообще, ты прав! Как-то я этот вопрос не продумал.

Глава 5

Олег встал как всегда рано. Надел спортивный костюм, кроссовки и заскочил в баню. Там он поджег дрова, сложенные в печи еще с вечера, и отправился на утреннюю пробежку. Узкие улочки, вдоль которых тянулись бесконечные ряды летних домиков, были пустынны. По дороге Горчакову не попалось ни машин, ни людей. На участках он тоже никого не заметил. Сделав большой круг по дачному поселку, Олег вернулся во двор и первым делом наведался в баню. Там он сунул

палец в стоявшую на печи пятиведерную кастрюлю – вода была чуть теплой. Горчаков заглянул в топку и увидел, что сухие сосновые дрова прогорели полностью. Тогда он набросал в печь обрезков, оставшихся после работ на чердаке, натолкал между ними стружек со щепками и поднес спичку. Убедившись, что огонь разгорелся, Олег вышел на улицу и начал разминку.

Закончив зарядку, Горчаков вымылся, побрился и занялся завтраком. Просторная застекленная веранда, занимавшая весь фасад, служила одновременно прихожей и кухней. Олег открыл вентиль газового баллона, зажег горелку и поставил чайник. Пока грелась вода, он нарезал батон, достал из холодильника сыр, масло и в этот момент услышал шум подъехавшей машины. Горчаков посмотрел в окно и увидел остановившийся на улице черный «Лэндкруизер». Ворота на даче были из листового железа, а забор, окружавший участок, – из сетки. Поэтому Олегу хорошо было видно, как из автомобиля вылезли двое незнакомых мужчин и подошли к калитке, которую он запирал, только когда уезжал в город.

Неизвестные вошли во двор как к себе домой.

– Наглые, однако, – пробормотал Горчаков, – или они из «органов»?

Тут его пронзило нехорошее подозрение: уж не для того ли Игорь Петрович просил его подвезти, чтобы посмотреть на номер автомобиля?

Впрочем, на полицейских приехавшие мало походили, скорее на чиновников: оба в темных костюмах и при галстуках, у того, что пониже ростом, в руках коричневый кейс.

– М-да, прямо «люди в черном», – усмехнулся Олег.

Окна были закрыты тюлевыми занавесками, поэтому Горчаков хорошо видел пришельцев, а они его нет. «Интересно, они и в дом зайдут без спроса?» – подумал он. В этот момент в дверь громко постучали.

– Господин Горчаков, – донеслось с той стороны.

«Нет, это точно Игорь Петрович меня сдал, – решил Олег, – вот только кому?»

– Входите! Не заперто! – крикнул он, не приближаясь к двери.

Очень уж нехорошие предчувствия овладели Горчаковым. Открывавшаяся наружу дверь распахнулась, и Олег подобрался, как перед боем.

Вошедший первым мужчина был ниже Горчакова, но зато шире в плечах. По травмированным ушам Олег понял, что перед ним бывший борец, и мысленно сделал для себя пометку. На вид ему было лет тридцать пять. Коротко подстриженные волосы торчали ежиком. Несмотря на то что неизвестный зарос жирком и отрастил живот, Горчаков не обольщался: «Этот мужик очень опасен».

Второй был на полголовы ниже Олега и моложе. Не такой массивный, как его напарник, но тоже видно, что не слабак. Возможно, боксер-легковес или дзюдоист. А еще он вел себя вызывающе нагло: молча подошел к столу, сдвинул тарелки и положил свой кейс.

– Горчаков Олег Иванович? – уточнил старший.

– Он самый.

Олег ждал, что мужчина сейчас представится и полезет в карман за удостоверением. Но тот пожелал сохранить инкогнито.

– Мы к вам по делу, – мрачно сообщил «борец», – наш босс хочет купить у вас бумаги из архива тамплиеров. Здесь, – указал он на кейс, – тридцать тысяч долларов. Цена окончательная.

– А если я скажу, что этого мало? – пожал плечами Горчаков.

– Значит, сделки не будет! – отрезал мужчина. – Но прежде чем отказываться, советую как следует подумать. Цена хорошая. Здесь вам больше никто не даст.

– Здесь, может, и не дадут, – согласился Олег, – а вот в Англии, на международном аукционе, можно и больше выручить.

– А ты уверен, что доедешь до Англии? – «Борец» решил отбросить политесы и перешел на «ты». – Если не продашь бумаги, наш босс очень огорчится, а потом

и тебя огорчит. Ищешь приключений на свою задницу?

Приключений Горчаков не искал. Последнее время они сами его находили.

– Нет, мужики, ничего я вам не продам. А огорчение вашего босса я как-нибудь переживу, – дерзко заявил он.

– Ну, как знаешь, – «борец» широко развел руками, типа: хозяин – барин.

Олег все время был начеку и поэтому не попался, когда вроде бы расслабившийся мужчина внезапно и резко ударил.

Горчаков уклонился и тут же пробил ответную серию: правой в печень, свинг левой по скуле – и завершил комбинацию своим коронным хуком справа. Будь мужик полегче, его бы просто унесло. Олег бил с разворотом корпуса, вкладывая в удар вес тела, а это ни много ни мало девяносто восемь килограммов. «Нокаут!» – констатировал Горчаков, когда у бандюгана подогнулись колени и он рухнул лицом вниз.

Олег развернулся ко второму противнику, тот отскочил от стола и полез за пазуху. Горчаков рванулся вперед и успел перехватить руку с пистолетом до того, как мужчина навел на него свое оружие, и тут же без промедления врезал второму бандиту с левой. Оглушительно громыхнул выстрел. В шкафу разлетелась чайная чашка. Не останавливаясь, Олег ударил еще два раза. Мужик отключился. Горчаков подобрал упавший пистолет и сунул себе за пояс. В это время заворочался «борец». Упершись одной рукой в пол, второй он потянулся к наплечной кобуре. Олег метнулся к нему и с ходу «припечатал» по затылку, так что заныла вся кисть. Горчаков зашипел и потряс отбитой рукой.

Перевернув оглушенного противника на спину, Горчаков расстегнул ему пиджак и обнаружил «сбрую» для скрытого ношения оружия. Слева на ней висел пистолет в кобуре, а справа подсумок с двумя магазинами. Олег вытащил «пушку» здоровяка.

– Неслабо вооружились ребята! – прокомментировал он, держа в руке мощный восемнадцатизарядный СПС «Вектор».

За поясом у Горчакова торчал новенький «Грач». Он сокрушенно вздохнул и покачал головой, потому что предпочел бы найти потертые «макарычи» или «ТТ» китайского производства. А тут дело такое: раз «пушки» серьезные, то и парни, что их носят, тоже не из простых.

Звонить в полицию Олегу не хотелось. «Если еще и полиция узнает, какими ценными документами я располагаю, то не станет ли от этого только хуже? – засомневался он. – А не испытать ли мне машину без Романа? – пришла шальная мысль. – И отправить «братьям по разуму» вместо табурета вот этих вот уродов?» А что, – усмехнулся Горчаков, – в убийстве меня не обвинят: нет трупов – нет дела! Да и не буду я их убивать. А если не выживут в другом измерении – ну что ж, бывает».

Олег решил связать незваных гостей и подумать еще. Заодно и позавтракать. «Пока мужики без сознания, надо бы «сбрую» со старшего снять и глянуть: есть ли у второго такая же?» – подумал он и приступил к делу.

Когда Горчаков стаскивал с «борца» пиджак, из внутреннего кармана выпал предмет, который Олег сперва принял за телефон, но, взяв в руки, понял, что это включенная рация.

«А вот теперь я точно попал!» – мысленно простонал Горчаков.

Дело приобретало совсем скверный оборот. Включенная рация означала, что эти двое здесь не одни! Где-то рядом находится их «начальство» с «группой силовой поддержки», которые все слышали, все поняли и уже начали действовать. А учитывая, насколько хватает этой слабенькой рации, можно было не сомневаться: банда сейчас в дачном поселке. А может, и вовсе в соседнем доме!

Разобравшись с кнопками, Олег переключил рацию на прием, но ничего не услышал. Горчаков положил приборчик на пол, быстро снял с бандита ремни с кобурой и надел их сам.

– Ну че, ты его видишь? – заговорила рация, и Олег вздрогнул от неожиданности.

– Нет, он сейчас за дверью, – ответил другой голос, – тут, мля, еще дерево мешает. Могу работать только в узком секторе.

– Короче, как только покажется, вали его сразу! Босс предупреждал, что на него два карабина зарегистрированы. В его квартире сейчас таджики обретаются, значит, оружие здесь. Плюс наши две «пушки». Я дуром под пули лезть не хочу.

– Не ссы, сделаю я его. Не все ж время он за дверью будет стоять. Сейчас пойдет куда-нибудь или в окно выглянет.

От всего услышанного Горчаков сначала присел, а потом залег. «Что делать? Что вообще, черт возьми, здесь происходит? – мысли Олега прыгали испуганными зайцами. – Отставить панику! – приказал он себе. – Все что нужно, это позвонить в полицию и дождаться их приезда». «А приедут они часа через два!» – ехидно подсказал внутренний голос.

Горчаков подполз ко второму бандиту, обшарил и обнаружил у него наплечную кобуру, а с другой стороны подсумок с двумя магазинами. Он вытащил их и сунул в карман. После чего прополз в коридор, закрыл за собой дверь и поднялся на ноги.

Коридор делил домик напополам. Слева располагались две спальни. Справа – одна большая комната. Прямо видна была дверь в чулан, а перед ней приставленная к чердачному люку лестница.

Олег прошел в большую комнату и взял телефон, лежавший на столике у окна, выходившего на соседний участок. Еще два окна смотрели в огород. Через них были видны грядки, дальше шли заросли малины, а в конце участка рос небольшой садик. Внимательно посмотрев в ту сторону, Горчаков заметил прячущихся за деревьями трех мужчин с автоматами.

– М-да, совсем обложили, – констатировал он безрадостный факт.

Олег набрал номер полиции, начал объяснять ситуацию, но тут началась какая-то ерунда. Дежурный устроил ему настоящий допрос. У Горчакова сложилось впечатление, что полицейского интересуют не столько бандиты, сколько он сам. Обозленный, Олег сказал, что у него нет времени отвечать на дурацкие вопросы, потому как вооруженные преступники подбираются к его дому, и дал отбой.

– Да что это за день такой неудачный! – в сердцах воскликнул Горчаков.

Теперь он не сомневался, что прибывшие полицейские сначала арестуют его, а потом уже будут искать бандитов.

А времени оставалось все меньше и меньше. Олег не верил, что ему дадут спокойно дождаться приезда полиции. Преступники не дураки, они не могут не догадаться, куда он будет звонить в первую очередь.

Сейф из квартиры он тащить не стал, поэтому карабины «Тигр» и «Сайга» просто стояли в углу, рядом большая картонная коробка с боеприпасами.

Горчаков покосился на оружие. В принципе, он мог бы шлепнуть прямо сейчас одного или двоих из прятавшихся в саду. «Нет, начинать боевые действия еще рано, – решил Олег, – сначала надо подготовить путь отступления на самый крайний случай. Что там Роман говорил? В параллельной реальности все как у нас, только это наше прошлое? Значит, надо забрать все «железо», в Средние века оно было очень дорогим».

Доспехи и оружие Горчаков делал не только на продажу, часто он работал для себя. Поэтому у него скопился небольшой арсенал.

Приняв решение, Олег бросился собирать вещи. Он выволок на середину комнаты сумку с доспехами, в которых сейчас выступал, быстро зарядил оружие, а оставшиеся патроны ссыпал в нее. Потом сунул в брезентовый баул парадный комплект, состоявший из длинного меча с рукоятью под две руки и узкого кинжала. Пояс, на котором они висели, был изготовлен по образцам четырнадцатого века. Он почти всплошную был покрыт литыми квадратными бляшками из позолоченной латуни. Поясные бляшки, оковка ножен, перекрестья меча и кинжала были выполнены в знаменитом полихромном стиле, представлявшем собой вызывающее сочетание золота и красных гранатовых вставок. В общем, настоящее произведение искусства. «Эх, под такую бы работу да рубины!» – думал Горчаков, когда со всем этим возился. Но денег хватило только на дешевые гранаты.

Еще Олег уложил в сумку саблю типа шамшир из синеватого литого булата со светлыми разводами причудливого узора. Ее черные ножны были украшены серебром и бирюзой. Это был единственный предмет, изготовленный по древним технологиям. Практичный Горчаков отдавал предпочтение высокопрочным легированным сталям.

– Все, сюда хватит, – решил он и метнулся в угол за второй сумкой – точной копией первой, только затасканной и местами потертой до дыр.

В ней лежали доспехи, в которых Горчаков начинал свою спортивную карьеру. К ним он добавил еще кольчугу панцирного плетения, охотничий кортик и шлем польского крылатого гусара. На этом с холодным оружием было окончено.

Олег взялся за ручки и волоком оттащил тяжеленные сумки в коридор к лестнице. Там он взвалил один баул на плечо, взобрался наверх и свалил поклажу у края люка. Не давая себе передышки, покрасневший от напряжения Горчаков отправил на чердак и вторую сумку.

Соскочив с лестницы, он бегом вернулся в комнату.

У Олега возникло ощущение, что отпущенное ему время истекает: сейчас либо очнутся на веранде бандиты, которых он так и не связал, либо что-то предпримут их дружки. Поэтому дальше Горчаков собирался в темпе ошпаренной кошки.

Он вытащил из-под кровати чемодан, большую спортивную сумку, раскрыл их и принялся пихать туда все подряд, не тратя времени на укладку. Стоя у шкафа, Олег просто сгребал вещи на полках и швырял их кучей в стоящий под ногами чемодан. Хватал рубашки и брюки прямо с вешалками, комкал и заталкивал в сумку.

«Мыло, зубную пасту и щетку не забыть, – напомнил он себе. – Еще салфетки и, главное, туалетную бумагу!» От мысли, что ему, быть может, придется пользоваться тем, чем это было принято в Средние века, то есть соломой, Горчакову заранее становилось дурно.

Свои спортивные кубки и медали он тоже решил здесь не оставлять. Тем более что все они были отлиты из серебра высшей пробы. А серебро в Средневековье было самым ходовым средством оплаты. Золотой монеты в то время в Европе почти и не было.

– Да, аптечку не забыть! – спохватился Олег. – Без антибиотиков там полный абзац!

А они, по счастью, у Горчакова имелись.

– Серый, ну че там? – лежавшая на столе рация ожила, когда Горчаков застегивал чемодан.

– Не вижу движения, – ответил снайпер. – Можно пугнуть: очередь по двери и парочку по окнам. Но это ни к чему, он, наверное, уже в доме, мне дверь туда не видна. Слышь, бригадир, пусть Санек с тыла к окнам подберется и глянет. А Колян с Михой пусть его прикрывают.

Олег повесил сумку на плечо, подхватил чемодан и сорвался с места. Пыхтя, добрался до люка и зашвырнул на чердак сначала одно, потом другое. Остались только карабины. Горчаков спрыгнул с лестницы, промчался по коридору и влетел в комнату. Добежав до угла, он схватил похожий на автомат Калашникова карабин «Сайга 12 к»-«Тактика» и в этот момент краем глаза заметил движение: вооруженный человек выскочил из зарослей малины и побежал к домику. Олег вскинул оружие, упер приклад в плечо и выстрелил навскидку прямо сквозь стекло. Грохот двенадцатого калибра в закрытом помещении сильно ударил по ушам. Горчаков поймал на мушку высунувшуюся из-за дерева фигуру, выстрелил второй раз и бросился на пол. Вовремя! По окну ударила длинная очередь. Потом короткая, и одновременно с этим осыпалось стекло во втором окне. Помещение заполнил пронзительный визг пуль.

«Значит, второй раз я промахнулся, – сообразил Олег, – стреляют из двух автоматов».

Он дотянулся до «Тигра» и, держа оба карабина за ремни, быстро выполз из комнаты.

В коридоре Горчаков вскочил на ноги, рванул с места и птицей взлетел на чердак. Он втащил за собой лестницу, закрыл люк и только после этого перевел дух.

Находясь внизу, Олег боялся, что начнут стрелять с другой стороны, пули прошьют тонкие двери и настигнут его в коридоре, но обошлось.

В каркасе установки они с Романом оставили низкий лаз. Затаскивая сумки внутрь машины для перемещений, Олег, выражаясь литературно, клял себя

последними словами, а если говорить проще, то крыл матом. Он не хотел никого убивать, все вышло как-то само собой. Наверное, сказалось нервное напряжение. Горчаков был, что называется, «на взводе», а тут враг бросился к дому, и сработали рефлексы.

Олег давно заметил за собой, что в минуты настоящей опасности его сознание переключается на «боевой режим».

Как-то на охоте он ждал кабана с одной стороны, а потом затрещали кусты, и зверь выскочил сбоку. Кабан оказался в десяти шагах от Горчакова – огромный, клыкастый. Олег тогда и подумать ничего не успел, а в голове словно щелкнуло что-то. Тело молниеносно развернулось само, руки без всякой команды вскинули ружье, а палец нажал на курок. Горчаков не выбирал место, куда выстрелить, и не целился, он действовал «на автомате»: одно мгновенье – и тяжелая пуля ударила зверю точно в лоб.

Вот что-то такое произошло и сейчас. Теперь, когда до роковой черты остался один шаг, Олег запоздало сожалел, что повел себя неправильно. Надо было вступить с бандитами в переговоры и отдать им бумаги даром. Жизнь, она дороже.

«Почему я этого не сделал? – удивлялся Горчаков. – Почему не связался с ними по рации?» Ответ был только один – во всем виноват характер. Олег не любил, когда на него давили. «Наезды» выводили его из себя. «Ну вот и доигрался!» – с горечью подумал он.

Сложив сумки в центре пола, под решетчатой полусферой, Горчаков выбрался из установки, и тут ему на глаза попалась деревянная разноска с шурупами, гвоздями и плотницкими инструментами. Такую полезную вещь тоже стоило прихватить. Олег поставил ящик рядом с сумками, и тут со стороны улицы загрохотали выстрелы. Не надо было обладать военными талантами, чтобы догадаться: бандиты пошли на штурм.

«Все! У меня не осталось и минуты! – понял Горчаков. – Терять уже нечего, все мосты сожжены!»

Он побежал к электрощиту, на ходу вынимая телефон. Остановился. Нашел номер Романа. Нажал.

– Ну же, бери быстрее!

– Привет, Олег, – отозвался брат.

– Рома, слушай и не перебивай! – заторопился Горчаков. – Я сейчас на даче, и я влип! Я включу твою машину и попытаюсь уйти. Если сможешь меня потом вытащить – хорошо. Если не получится, значит, не судьба. Родителей успокой. Маме скажи: я сильный и драться умею – не пропаду! На случай, если больше не увидимся, говорю: прощай, Рома, не поминай лихом!

Олег дал отбой и бросил не нужный больше телефон на пол, одновременно другой рукой опуская рубильник. Заурчали трансформаторы. Какое-то время ничего не происходило. Горчаков успел подумать, что брат ошибся, машина не заработает, и сейчас ему придется вступить в бой. Но в этот момент внутри деревянного каркаса вспыхнуло зеленое свечение. Сначала призрачное, как полярное сияние. Потом электронный туман стал уплотняться и превратился в густое клубящееся облако.

Олег приблизился к лазу, от ярко светящейся плазмы ощутимо потянуло холодом.

Горчаков набрал в грудь воздуха, нагнулся, зажмурил глаза и протянул вперед руки. Кожу защипало слабыми электрическими разрядами, и еще было такое ощущение, будто он на морозе высунул руку из мчащейся машины. Олег сделал шаг, другой и словно очутился в морозильной камере. Он шел, согнувшись и водя перед собой руками. Еще два шага и пальцы коснулись сумки, Горчаков присел рядом. Стало совсем холодно. «Блин! Да я тут дуба дам!» – подумал Олег, в эту секунду опора под ногами исчезла, и он словно бы рухнул в пропасть. От неожиданности Горчаков открыл глаза, но ничего не увидел. Темнота была абсолютной, как в космосе без звезд, и невесомость такая же. Олег понял, что он никуда не падает, а просто висит в воздухе.

Глава 6

Полет в межпространственном лифте длился секунд десять, может, чуть дольше. Но для несущегося в неизвестность Горчакова это были долгие мгновения. Холодная плазма исчезла, а ему не хватало воздуха, легкие жгло. Решив будь что будет, Олег выдохнул, и в этот момент по глазам ударил яркий после темноты свет. Тело обрело вес и ухнуло вниз. Посадка получилась жесткой. Горчаков успел сгруппироваться, но на ногах не устоял и завалился набок.

– Черт! Снег! – заорал он, проворно вскакивая, и тут же начал отряхиваться.

Сразу Олегу было не до того, а вот сейчас он осознал, что материализовался, или как там еще, метрах, наверное, в двух над землей. И сумки тоже.

Горчаков повертелся на месте, осматриваясь, но ничего примечательного не обнаружил. Со всех сторон его обступал лес. Белый, холодный и неприветливый.

– Блин! Да здесь мороз градусов под двадцать!

Возмущению одетого в рубашку и джинсы Олега не было предела, потому что крутые и умные парни из фантастических романов, которые он иногда читал, проваливались в прошлое исключительно летом. А вот его угораздило очутиться черт его знает в каком лесу в самый разгар зимы.

Подрагивая от холода, Горчаков порылся в вещах, нашел и надел толстый свитер, кожаную куртку с меховой подкладкой, а на голову натянул вязаную шапочку. Еще под джинсы хорошо бы было трико поддеть. Но как это сделать, если кругом снег чуть ли не по колено?

Пришлось Олегу проявлять смекалку и находчивость: он вынул из сумки со своими старыми доспехами спинную пластину кирасы и расчистил пятачок. Осмотревшись, Горчаков приметил подходящую елку. Проваливаясь в снег, он добрался до нее с топором и нарубил веток.

Соорудив подстилку из хвои, Олег надел под джинсы трико и переобулся. С обувью были некоторые проблемы: теплая вся осталась на веранде, а соваться туда было нежелательно. Из-за этого форс-мажора Горчаков прибыл в неизвестно где расположенный зимний лес в кроссовках. К счастью, в сумке с шикарными миланскими латами образца 1590 года лежали армейские берцы, в

которых Олег выступал на соревнованиях. Теперь, надетые на теплые носки, они пришлись как нельзя кстати.

После переодевания на морозе Олега всего трясло, надо было срочно согреться, и он снова взялся за половинку кирасы.

Расчистив просторную площадку, немного согревшийся Горчаков с топором и ножовкой пошел изучать окрестности. У него было два важных дела. «Надо отыскать подходящие жерди и соорудить волокушу, – рассуждал Олег, – в руках я все не унесу. И на местности надо бы как-то сориентироваться». Горчаков еще со школы помнил, что мох на деревьях растет с северной стороны. Оставалось только этот самый мох найти, а его, как нарочно, нигде не было видно. Олег осматривал один ствол за другим, но кора везде была чистой.

Через какое-то время он набрел на заросли лещины, здесь жердей было сколько угодно.

Заготовив материал, Горчаков беспомощно осмотрелся.

– Где же его искать, этот чертов мох? – спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь. Тут ему на глаза попалась огромная старая ель. – Если и там ничего не будет, то это лес какой-то неправильный, – решил Олег и пошел посмотреть.

В этот раз ему повезло, на корявой коре с одной стороны росло то, что нужно. Определившись со сторонами света, Горчаков стал решать, куда ему теперь идти.

– Значит, Роман говорил, что если ориентироваться по хрономиражам, то шансы пятьдесят на пятьдесят, – начал вспоминать Олег. – То есть с равным успехом можно оказаться или в том же самом месте, или в любой другой точке планеты. Так. Ну, судя по погоде, я не в Африке, – Горчаков подышал на замерзшие пальцы и принялся энергично их растирать. – Хотя то, что я не свалился в океан, уже радует, – заметил он.

Знакомые деревья вокруг вроде бы подтверждали версию, что Олег «приземлился» в Подмосковье.

– Значит, Москва вон там! – определил Горчаков. – Но елки-палки! Если я сейчас в районе дачи, то здесь полсотни верст только до окраин современной столицы. А если брать древнюю Москву, то это ж придется еще и до самого Кремля топать! Да уж, ситуация.

Олег зажал под мышкой охапку жердин и пошел обратно по своим следам.

По дороге ему в голову пришла «светлая» мысль.

– Погоди! – Горчаков даже остановился. – Ленинградское шоссе – это старая дорога из Москвы в Тверь и дальше на Новгород. Если эти города здесь есть, то существует и дорога! Вот к ней и надо идти.

С волокушей Олег провозился недолго. Он мог справиться еще быстрее, если бы так сильно не мерзли руки. Приходилось откладывать инструмент и отогревать кисти под курткой.

Сначала Горчаков стесал топором до половины концы жердей где-то на метр. Они должны были не пахать землю концами, а гнуться и скользить, как лыжи. Потом положил их на землю параллельно и чуть выше того места, где кончались затесы, набил перекладин, как на лестнице, только чаще.

Собственно, на этом приспособление, появившееся задолго до колеса, было готово. Вот только к перекладинам груз надо было чем-то привязать, а у Олега не было веревки. Пришлось прибивать вертикальные стойки и сколачивать что-то типа ящика. Получилось нечто новое – волокуша с кузовом!

Ящик с инструментами и гвоздями уже однажды приземлился в глубокий снег, так что Горчакову не пришлось ничего собирать. Но полагаться на везение и дальше было бы неразумно. Поэтому Олег рассовал содержимое плотницкой разноски по сумкам с доспехами. Так оно как-то надежнее. Осталось последнее дело.

Прежде чем покинуть «место высадки», Горчаков его тщательно отметил. На всех окружавших этот пятачок деревьях он сделал большие, хорошо заметные затесы. Когда, двигаясь по кругу, Олег дошел до высокой березы с толстым стволом, он не стал снимать кору, а вырезал стамеской крупную надпись: «Рома, я пошел в Москву! Буду приходить сюда по возможности».

Чтобы не отморозить пальцы, Горчаков надел на руки шерстяные носки, взялся за ручки волокуши и тронулся в путь.

Идти по глубокому снегу было тяжело. Но Олег продвигался медленно еще и потому, что периодически останавливался и отмечал дорогу либо затесами на стволах, либо подрубал молодые деревца и валил их верхушками в ту сторону, откуда шел. Ориентировался Горчаков, оглядываясь на свои следы. Время от времени он находил на деревьях мох и корректировал маршрут.

– И где эта долбанная дорога? – озабоченно спросил Олег, прошагав, по своим прикидкам, километров пять.

В лесу было тихо и пустынно. Пару раз Горчакову попадались звериные следы. А вот о присутствии человека в этих местах пока ничего не говорило. Олега начали терзать сомнения.

– Черт его знает, какой тут сейчас век? – рассуждал он. – Может, и Москвы здесь еще нет? Да и вообще. То, что здесь все как у нас, только отставание по времени, это всего лишь предположения Ромы. Кто знает, как оно на самом-то деле. А вдруг здесь людей и вовсе нет?

В этот момент Горчаков увидел впереди меж деревьев то, что, несомненно, являлось здешней дорогой. Он прибавил шаг и вскоре вышел на извилистую просеку.

До трассы федерального значения этой дороге было далеко, но две повозки могли бы разъехаться на ней запросто. Сухой хрустящий снег был хорошо утоптан. У Олега сложилось впечатление, что здесь совсем недавно прошла приличная толпа народу. Были видны следы сапог, подкованных лошадей и узкие полоски от полозьев. Следов было много. «Интересно, это караван купеческий такой большой? Или здесь прошел военный отряд?» – размышлял Горчаков.

Он здорово замерз. Его тонкая куртка была хороша, чтобы пройтись от машины до подъезда. А вот для долгих прогулок по такой погоде она не годилась.

– Блин, а мороз-то жмет, – проворчал Олег, шмыгнул носом и потер его заменявшим варежку носком. – Люди – это хорошо, – обрадовался он. – Не важно, какие. Главное, что я тут не один!

По отпечаткам подков Горчаков понял, что отряд или караван движется туда, где, по его предположениям, находилась Москва. Идти сразу стало веселее. Да и утоптанная дорога – это вам не засыпанный снегом лес.

За следующие пару часов Олег отмахал километров десять. И тут он заметил, что начинает темнеть.

– Что за ерунда? – удивился Горчаков и посмотрел на часы. Они показывали 13.07 по Москве. – Я что, в другой часовой пояс попал? А, дошло! – покивал Олег. – Я попал в то же самое место географически. Но никто не обещал, что я окажусь в том же времени суток!

С этим надо было что-то делать. У Горчакова даже спичек не имелось, чтобы костер развести.

«Ночь на морозе без огня я просто не протяну», – пришла неприятная мысль. Олег крепче вцепился в ручки волокуши, наклонился вперед и перешел на максимальный темп, который можно было держать, не переходя на бег. Через пару километров ему стало жарко, а впереди он заметил поднимавшийся над лесом дым, затем услышал отдаленное лошадиное ржание и какой-то стук. «Кажется, там деревья рубят», – подумал Горчаков.

Местность вокруг была холмистой. Поднявшись на очередной взгорок, Олег остановился. Впереди сжимавший дорогу лес расступался, образуя широкую и длинную прогалину. На ней горело множество костров, вокруг которых грелись люди, стояли распряженные сани, рядом с ними переступали ногами кони. В морозном воздухе клубились дым и пар.

Горчаков снял с «Тигра» оптический прицел. Расстояние было небольшим, и восьмикратная оптика позволяла рассмотреть многие детали.

– Вроде русские, – заключил он, опуская прибор.

Вид костров напомнил о холоде. Олег пошевелил пальцами на ногах, проверяя, не отморозил ли он их. Второй раз за сегодняшний день злодейка судьба не оставляла ему выбора. Горчаков обреченно вздохнул и снова впрягся в волокушу.

Пока он шел к лагерю, никто не обращал на него особого внимания: ну бредет мужик по дороге, тащит что-то – эка невидаль! Теперь, когда Горчаков оказался совсем близко, на него поглядывали с интересом, но бросаться навстречу с расспросами никто не спешил.

Олег догадывался, что любопытство возбуждает его черная куртка на молнии. Сидящие и стоящие вокруг костров мужчины были одеты в нагольные и крытые разноцветными тканями шубы. На головах они носили низкие шапки в виде полусферы с меховой опушкой, на поясах у всех имелись длинные ножи и кожаные сумки.

Лапотников Горчаков не заметил, ратники были обуты в желтые или темно-коричневые сапоги. Бороды носили немногие, а вот усы – почти все. «Видно, здесь мода такая», – подумал Олег.

Он прошел мимо саней, в которых увидел мешки, узлы, а среди них копья и большие миндалевидные щиты.

Первым на пути Горчакова оказался костер, над которым стояла железная тренога с цепью и крюком. На нем висел котел. Один мужчина, стоя рядом, помешивал длинной деревянной поварешкой булькающее варево. Еще девять сидели вокруг огня на охапках еловых веток. Один из воинов с усищами как у Буденного что-то увлеченно рассказывал, но когда Горчаков приблизился, он замолчал и выжидающе уставился на пришельца. Его товарищи тоже.

– Гой еси, мужи православные, – поприветствовал Олег ратников, не опуская волокуши. – Дозвольте у огня обогреться, – он кивком указал на другой костер, горевший шагах в шести от первого. Вокруг него людей не было. Да и разложен костер был как-то странно: поперек толстых веток лежали настоящие бревна. «Быка они, что ли, зажарить собрались?» – удивился Горчаков, которому это кострище напомнило гигантский мангал.

– Такоже и ти, – ответил на приветствие пожилой воин с картинными усами.

Остальные ограничились кивками. На просьбу обогреться никто ничего не ответил. То ли мужики попались неразговорчивые, то ли просто не поняли Олега. «Молчание – знак согласия», – решил он и «проехал» мимо.

Добравшись до костра, Горчаков протянул руки к огню и даже зажмурился от удовольствия. «Блин! Как хорошо! – подумал он, впитывая тепло. – И как же мало порой надо человеку для счастья».

Олег открыл глаза и покосился на ратников, к которым намеренно стал боком. Но те, вопреки ожиданиям, на него не смотрели. Усатый «родственник» Семена Михайловича вернулся к прерванной появлением странного чужака истории. Горчаков навострил уши.

– Оставили мя были людье, да остать дани исправити было имъ досени, а по первому пути послати и отъбыти прочее, – ратник печально вздохнул и покачал головой. – И заславъ, Захарья въ вере уроклъ: «Не даите Саве ни одиного песця хотя на нихъ емати. Самъ въ томь». А въ томь ми ся не исправилъ въ борзе, – развел руками рассказчик.

Горчаков знал древнерусский примерно как режиссер Якин из фильма про Иван Васильевича: «Паки… паки… иже херувимы. Простите, ваше сиятельство, языками не владею».

Поэтому он ни фига не понял. Зато все остальные стали сочувствовать усатому мужику и дружно ругать какого-то Захарью. О нелицеприятности характеристик Олег догадался, услышав вполне современный мат, попутно подивившись древности некоторых выражений.

«Ладно, я согрелся, что дальше? – размышлял Горчаков. – Развернуться и уйти в морозную ночь, которая вот-вот наступит?»

Он приблизился к ратникам и присел на корточки рядом с усатым. Тот вопросительно посмотрел на Олега, и остальные тоже.

– Вы идеше на рать? – спросил Горчаков, вспомнив подходящее слово.

По удивленным лицам он понял, что вопрос был глупым. Нормальный здешний человек и сам должен был об этом догадаться.

– На рать вестимо, – подтвердил пожилой вояка.

С кем рать, Олег спрашивать не стал, чтобы не выглядеть свалившимся с луны придурком. Он и без того уже испортил себе имидж.

«Да и не все ли равно с кем? – подумал он. – Если надо каких-нибудь нечестивых агарян типа половцев проучить, значит, проучим! Ну а если отряд идет «нагибать» своих же братьев – христиан из соседнего княжества, то здесь, как говорят американцы, отправляя куда-нибудь свои войска, «это бизнес, ребята, ничего личного!». Надо мне как-то определяться, – решил Горчаков. – Воинам обычно платят. По крайней мере, на довольствие меня должны бы поставить».

От висящего над огнем котла, смешиваясь с дымком, шел такой офигительный аромат, что у так и не позавтракавшего Олега рот сразу наполнился слюной.

«Ну и где тут у них отдел кадров? – завертел он головой. – Ага! Вон и командование!» – обрадовался Горчаков, когда ему на глаза попался мужик в крытой малиновым сукном шубе. Догадаться о его статусе было не сложно. Во-первых, помимо ножа, как у всех остальных ратников, у этого висел на поясе еще и прямой меч. Ну а во-вторых, воевода занимался тем же, чем в привычной Олегу армии занимались командиры. Он шел по лагерю, останавливался у костров, что-то спрашивал у гревшихся воинов, а те отвечали.

«Сюда он тоже подойдет, – подумал Горчаков, – я могу его дождаться и обратиться с просьбой, но…» Он подозревал, что здесь в воинские отряды не принимали первых встречных проходимцев, а поручиться за него было некому.

Олег понимал, что очутился в Средневековье, а здесь встречали по одежке. «Не только здесь, – поправил себя Горчаков, – но в Средние века одежда, как правило, четко отражала социальное положение».

Направляясь к лагерю с вещами, Олег как-то не подумал, что его могут просто ограбить. То ли от холода он стал плохо соображать, то ли заряженные карабины в «кузове» волокуши и мощный пистолет под курткой сыграли с ним злую шутку, сделав излишне самоуверенным. В общем, не стал он прятать свои

пожитки в лесу, а теперь предстояло пойти еще дальше. Горчаков призадумался. «А, была не была! – мысленно махнул он рукой. – Уйти отсюда я по любому смогу, вещи только жалко». Положившись на удачу, он раскрыл сумку, достал и надел свой парадный рыцарский пояс с мечом и кинжалом. Потом отыскал серебряную медаль, полученную на турнире «Черного сокола», и повесил на шею прямо поверх куртки.

Теперь он выглядел как серьезный средневековый мужчина, с которым можно иметь дело. Даже более чем. Потому что если не знать, что украшения из позолоченной латуни, то такой комплект впору князю носить.

Когда командир приблизился к последнему костру, Олег решительно шагнул ему навстречу.

– Здрав буди, воевода! – слегка поклонился он.

– Такоже и ти здравствовать. – Дородный коренастый мужчина с холеной, аккуратно подстриженной бородой окинул Горчакова пристальным изучающим взглядом.

– Азъ есмь вой Олег Иванович. Челом тебе бью! – Горчаков еще раз поклонился. – Прими в полк!

После этих слов воевода даже не попытался скрыть своего удивления.

– Откуду ты? – спросил он.

У Горчакова готовой легенды не было. Откуда она могла взяться, если Олег не знал даты и не владел информацией о здешних государствах. Ну да! Это могла быть средневековая Русь! С отличиями от известного ему по учебникам государства, только на квантовом уровне. А могла быть и полная «альтернативка». Так что врать надо было осторожно.

– Из франков, – ответил Горчаков.

Не самый удачный вариант, но лучшего у него не было.

– Латынянин? – сурово спросил воевода, сдвинув мохнатые брови.

– Православный! – Олег выпрямился и гордо вскинул подбородок.

Воевода в ответ на это заявление хмыкнул и покачал головой. То ли сомнение выразил, то ли удивился – Горчаков не понял. Дальше мужик оценивающе посмотрел на шикарный пояс Олега, на длинный меч с двуручной рукоятью и на серебряную медаль размером с ладонь.

– Се герб твой есмь? – воевода указал пальцем на сверкавшего черной эмалью сокола.

– Да, – кивнул Горчаков.

По лицу собеседника он догадался, что в воинах здесь не особо нуждаются, но и давать ему сразу от ворот поворот воевода пока не хочет. Видимо, Олегу все же удалось произвести благоприятное впечатление. Наверное, его рост и ширина плеч тоже не остались без внимания. Горчаков больше чем на голову был выше собеседника.

Воевода какое-то время размышлял, а потом повернулся к лагерю и крикнул:

– Братие, сбирайтеся вси на вече! Надобе совет держаху!

Глава 7

Горчаков мерно шагал в колонне, растянувшейся почти на полверсты. С пасмурного неба сыпал мелкий снежок и оседал на прикрытых рогожей санях, на шапках и плечах ратников.

– Стена воев се якоже городба, – негромко объяснял, топавший рядом новгородец Неждан – круглолицый веснушчатый парень с вислыми, соломенного цвета усами.

Насколько сумел понять Горчаков, он оказался в отряде по двум причинам. Первая: его приняли за рыцаря, а значит, за «правильного» мужика, который и слово сдержит, и своих не бросит. Со второй причиной Олег пытался сейчас разобраться.

Неждана он считал своим новым приятелем. Как-то так вышло, что у них сразу сложились дружеские отношения. Начало им положил случай за ужином. У Горчакова не оказалось самой нужной в походе вещи, а пока он думал над этой проблемой, запасливый Неждан порылся в своих вещах и презентовал ему новенькую березовую ложку.

Ратники ели прямо из котлов. Олег зачерпнул подаренным инструментом густой как каша гороховый суп и обнаружил в нем кусочки копченого мяса. Подул, попробовал – ух! Ароматное варево впитало запах костра, и голодному Горчакову показалось, что ничего вкуснее он в жизни не ел. Когда в желудке стало тепло, чувство благодарности Олега к молодому новгородцу стало таким же горячим, как исходивший паром на морозе суп.

Полк численностью без малого в тысячу бойцов состоял из двух частей: отряда лучников-профессионалов, являвшихся гриднями новгородского войска, и ватаги добровольцев, которые сами выбрали себе атамана. Вот к нему-то Горчаков позавчера и обратился. Выборного воеводу звали Прокоп. Поскольку такой вопрос, как принятие в отряд чужака, атаман не мог решать единолично, он собрал ратников на вече.

Кому-то могло бы показаться странным собрание по такому пустяковому поводу, но только не здешним воинам. Никто не хотел иметь подле себя в бою «темную лошадку».

Полноценного обсуждения кандидата в ватажники не получилось из-за языкового барьера. Помогая себе жестами, Олег кое-как составил два внятных предложения и на этом выдохся. Дальше начался просто цирк, какая уж тут биография! Новгородцы послушали лингвистические экспромты Горчакова и махнули рукой – достаточно, сойдет.

«Принять рыцаря в отряд», – постановило вече, после чего Олег принес клятву крепко стоять за товарищей и, по обычаю, поцеловал крест.

Сейчас пресловутый барьер донимал Горчакова уже меньше. Все ж таки язык был хоть и древний, но русский, а Олег слушал его почти двое суток.

После слов Неждана о том, что воинский строй подобен ограде, до Горчакова наконец дошло, что пытался втолковать ему новый приятель. Тщательно подбирая слова, он задал еще несколько вопросов, и все фрагменты головоломки заняли свои места.

Оказалось, что любившие подраться новгородцы ставили кулачных бойцов в «стенку» не как бог на душу положит, а по принципу забора. Важным компонентом стеношного боя были надежа-бойцы: крупные, выносливые, хорошо обученные вои, которые, как столбы в изгороди, в случае прорыва «стенки» должны были оставаться на месте, сдерживая противника.

Когда Олег на вече услышал, что его назвали «надежа-вой», он, естественно, ничего не понял. А теперь разобрался, и ему стало весело: «Значит, новгородцы решили, что из меня выйдет хороший столб – забор подпирать?» – сдерживая смех, подумал Горчаков. Он покосился на Неждана, в котором росту было от силы метр шестьдесят пять. В отряде попадались воины и повыше, но ненамного. А вот рост Олега был метр девяносто два, и поэтому, шагая в колонне, он свободно мог озирать местность, глядя поверх голов.

«Да я тут типа как Терминатор, – «прикалывался» про себя Горчаков, – я и в плечах пошире любого из местных, а если еще и сплошные латы надену – будет вообще жесть! Хотя есть в этом и некоторые минусы, – должен быть признать он, – шуба, блин горелый, тесная, и рукава короткие!»

С одеждой помогли товарищи, обнаружившие, что теплей тонкой куртки у Олега ничего нет. Первую ночь в отряде Горчаков провел в относительном комфорте. Когда прогорели те большие костры, назначение которых он сперва не понял, на горячей земле раскатали подстилки, а над ними установили шатры. Олег думал, что из-за смены часовых поясов он полночи спать не будет, но, видно, стресс и усталость взяли свое. Горчаков в спортивном костюме, который вызвал всеобщее любопытство, лег на медвежью шкуру и укрылся ее краем. Снизу от прогретой земли шло тепло, Олег пригрелся, расслабился и провалился в сон без сновидений. К утру, правда, стало холодно и, одеваясь, Горчаков стучал зубами, но это были уже пустяки, на которые не стоило обращать внимания.

Как выяснилось вскоре после подъема, Олег не дошел до ближайшей деревни порядка четырех километров. Местность здесь была холмистой, когда отряд преодолел очередную возвышенность, Горчаков увидел маленькое озерцо и разбросанные по его берегу деревянные домики. У этого населенного пункта воины немного задержались, и Прокоп купил Горчакову шубу, шапку и овчинные рукавицы в долг, который он должен был отдать товарищам в Москве. Олег мог бы и сам заплатить за обновку, отломав кусок от серебряного кубка. «Но раз уж так вышло, – подумал он, – то почему бы и не приберечь красивую вещь?» Впрочем, «обновка» – это было громко сказано. Ватажникам продали старую крестьянскую шубу, изрядно поношенную, но хоть целую – без дыр и заплаток. «Ничего, в Москве что-нибудь лучше подберу, – не расстроился Горчаков, – деревня это ж вам не супермаркет! Так что и на том спасибо».

Озеро располагалось в низине, окруженной с трех сторон поросшими лесом холмами, извилистая лента дороги взбегала на один из них и спускалась к реке. Как понял Олег, это была Клязьма, поскольку дальнейший путь пролегал вдоль нее, полк новгородцев спустился на присыпанный снегом лед. Здесь был накатан зимник, и двигаться по нему было намного удобней, чем по ухабам и колдобинам. К вечеру ратники добрались до крутой излучины, здесь река изгибалась и уходила на восток. В этом месте устроили ночлег, а с утра двинулись уже по дороге. Местность вокруг была почти ровной, увалы и взгорки остались позади. К полудню впереди показались берега еще одной реки. Горчаков мысленно уже разобрался с картой, и ему не надо было ничего спрашивать. И без того было ясно, что это Москва-река.

– Неждан, а возомолови ми, с кем сия рать? – малость поднаторевший в древнерусском Олег решил, что самое время прояснить ситуацию до конца.

– Якоже с кем? – удивился новгородец. – С безбожнии татарове.

– С кем?! – Горчаков даже остановился.

– А ты что, суть не ведаще о семъ? – обернулся к нему Неждан.

– Не-е-е, – потряс головой ошарашенный Олег, нагоняя новгородца.

– Якоже ркоша, – начал просвещать товарища Неждан, – придоша от всточьныя страны на Рязаньскую землю безбожнии татарове.

«Охренеть! – подумал Горчаков, которому впору было за голову хвататься. – Монголо-татары идут на Рязань. А мы, стало быть, им навстречу? Вот это я попал! А не пора ли мне дезертировать? Нет, так не пойдет! – разогнал трусливые мысли Олег. – Не по-людски это. Мужики мне помогли, я присягу дал. Погоди, – он едва не хлопнул себя по лбу, – а когда это новгородцы с татарами воевали? – Горчаков задумался. – Там вроде ушкуйники города по Волге грабили? – вспомнил он. – Так это позже было, да и Волга в другой стороне. А сейчас, надо полагать, тысяча двести тридцать седьмой год? Но я же точно помню, что новгородцы тогда никуда не ходили. Их же вроде бы князь Юрий Всеволодович на Сити ждал и не дождался. М-да, по ходу здесь не настоящая история, а какая-то альтернативная. Гы, – ухмыльнулся Олег, – а может, тут и монголы не настоящие? Ну, в смысле, монголы сидят в своей Монголии, а по степям шарится кто-то другой? Грохнули, к примеру, Чингисхана во время усобиц. Там же желающих было – в пору очередь занимать. И нет здесь никакой Монгольской империи. Чем не вариант?»

Последние километры пути отряд шел по льду Москвы-реки, ее берега были населены гуще, чем русло Клязьмы. Села и деревни попадались здесь часто, окруженные стеной леса, они жались к воде. Крестьяне, завидев колонну новгородцев, бросали свои дела и провожали воинов взглядами. Горчаков тоже во все глаза смотрел на жителей Древней Руси. «А девки здесь ничего», – подумал он, подмигнув курносенькой пухлогубой красотке, что набирала воду из проруби.

Ближе к вечеру, чтобы не повторять особо крутой изгиб речного русла, полк прошел по дороге через лес и…

«Ну, вот она, древняя Москва! – выдохнул Олег. – Или параллельная? Или альтернативная? Что-то я плохо понял теорию Романа». Будущая столица его не впечатлила. «Да это и не город вовсе, – недоумевал Горчаков, увидевший заснеженные поля, рощи и кучки окруженных низким тыном строений. – Это же просто несколько деревень одна рядом с другой, а между ними церкви и боярские усадьбы».

Над излучиной реки на холме возвышалась крепость, но больно уж непрезентабельная. Во-первых, она была маленькой. Стена, которую видел Олег, тянулась на глаз метров на триста. Да и не стена это была вовсе, а высокий земляной вал, поверх которого шли невзрачные деревянные городни под

тесовыми крышами.

«Похоже, мы последние?» – подумал Горчаков, вертя головой. Под стенами крепостицы раскинулся огромный воинский лагерь. На всех свободных местах стояли шатры, повсюду горели костры, бродили люди, топтались кони. «Это ж сколько здесь народу? – попробовал прикинуть Олег. – На глаз как бы не дивизия. А вообще, шатры можно посчитать. Но, разумеется, не сейчас».

С шопингом в Москве Горчаков пролетел. Новгородский полк подошел к будущей столице ближе к вечеру. Пока воины искали дрова и готовили еду, начало темнеть. После ужина установили шатры и улеглись спать. А с утра пораньше к лагерю новгородцев подъехало несколько саней, а за ними князь Всеволод Юрьевич с боярами, в сопровождении дюжины дружинников.

Посмотрев на оживленного Неждана, Олег поинтересовался: а в чем, собственно, дело? Оказалось, что повод для радости имеется, поскольку на этих санях «получку» привезли. Горчаков сразу же вспомнил одного своего знакомого в день зарплаты, и ему стало интересно: принято ли здесь это дело «обмывать»?

Попутно он выяснил, что в середине декабря прошлого года в Новгород прибыло посольство от великого князя владимирского с просьбой прислать ему в помощь войско. Как в таких случаях водится, бояре сразу же собрали народ на вече, которое постановило: ополчение не собирать, но если Юрий Всеволодович пожелает, то может за плату набрать «охотников». В Новгороде, как позднее и в Европе, были отряды лучников-профессионалов. Их мощные луки ничуть не уступали знаменитым валлийским. Такие войска нужны были великому князю, и он согласился на все условия.

– Ну а мы тогда чего стоим? – спросил Олег приятеля. – Пошли очередь занимать.

Серебро раздавали прямо с саней из раскрытых сундуков. Выстояв длинную очередь, Горчаков получил две с половиной палочки и по привычке завертел головой, высматривая ведомость, в которой следовало расписаться за жалованье. Но князь Всеволод Юрьевич решил бухгалтерией не заморачиваться.

Естественно, Олег тут же насел на Неждана с расспросами. Его интересовало, что можно купить на две с половиной палки серебра? И вообще, это маленькая или большая зарплата?

Прежде всего, приятель объяснил, что две с половиной новгородские гривны – это стандартная плата воину за поход. Правда, уточнил, что поход может и полгода длиться, тут уж как повезет.

– Работнице по дому платят гривну в год, – пожал он плечами, отвечая на второй вопрос. – Плотники в Новгороде берут по полторы ногаты в день. Лес у нас дешев, а плотников много. Потому за две гривны можно струг на тридцать гребцов справить, по рекам ходить. А за три гривны – ладью, в коей можно и по морю плыть. Что еще? – почесал затылок Неждан. – Саблю можно за гривну сторговать, за полторы – меч. А за три-пять гривен рабыню продают. Пять – это если девка молодая да справная, – ухмыльнулся новгородец и подмигнул. – А вот ежели ты зубы кому выбьешь, то будешь штрафу двенадцать гривен платить, – ехидно закончил он перечень услуг.

Получив плату, новгородский полк сразу же выступил на Коломну вслед за владимирцами.

Глава 8

У городских ворот размашисто шагавший Горчаков поравнялся с обозом беженцев из десятка саней, за которыми женщины и дети гнали коров, овец и коз. На сани в живописном беспорядке были нагружены крестьянские пожитки – чего тут только не было. Олег встретился взглядом с голубоглазой девчушкой лет шестнадцати, одетой в нагольную шубу на пару размеров больше, чем требовалось для такой фигурки. Голова девушки была прикрыта серым шерстяным платком, а поверх него нахлобучена низкая полукруглая шапка из овчины. Девчонка, ссутулившись, примостилась среди узлов, на коленях она держала корзинку, в которой сидел белый гусь и с самым важным видом вертел головой на длинной шее. Губы Горчакова сами собой растянулись в ободряющей улыбке, девушка робко улыбнулась в ответ. О том, что сделают с ней монголы, когда возьмут город, Олег даже думать сейчас не хотел. Он решительно прибавил шаг, поравнялся с возницей и ухватил его за рукав.

– Осади! – когда Горчаков говорил таким тоном, к его словам обычно прислушивались.

Крестьянин натянул поводья и недоуменно уставился на грозного воина. Богатырский рост и мощные плечи незнакомца сразу же внушили ему должное почтение. «Боярин или князь?» – подумал мужик, глядя на золотой пояс, украшенный красными каменьями, и столь же нарядные ножны длинного меча с дорогой рукоятью.

– Ты это почто, боярин? – спросил крестьянин, думая: а не надо ли слезть с саней, да шапку снять, да поклониться?

Пока новгородский полк топал от Москвы до Коломны, Олег окончательно освоил древнерусский язык. Сейчас он владел им не то чтобы совсем свободно, но для бытового общения таких познаний хватало.

– Откуда ты? – спросил Горчаков заробевшего мужика.

– С деревни Ярустово мы, верст пятнадцать отсюда будет, – ответил тот.

– А в Коломну почто? – нахмурился Олег.

– Дык ить, глаголють, татарове сюда придут. Нешто тебе, боярин, это неведомо? – удивился крестьянин.

– Про татар мне ведомо, – криво усмехнулся Горчаков, – мне иное неведомо: за каким лешим ты в город прешься? В осаде жаждешь посидеть? Ужо насидишься! – Олег обещающе покивал головой. – Город – это ловушка! – повысил он голос. – Когда татары обложат Коломну, выхода отсюда не будет уже никому. А когда возьмут нечестивцы город, пропадете вы тут все!

– Да что ты такое речешь, боярин! – возмутился мужик. – Ты глянь, стены-то какие! – он махнул рукой в сторону мощных укреплений.

Коломна была окружена глубоким рвом, за ним возвышался вал с «заборолами» наверху. Как возводились подобные укрепления, Горчаков знал из книжек. Сначала вплотную, один около другого, ставились трехэтажные срубы. Этажи в них были высотой по два с половиной метра. Срубы делились на отдельные комнаты, большая часть которых заполнялась землей, но некоторые оставались пустыми, образуя «внутривальные клети». Верхний этаж землей не засыпали и

покрывали двускатной крышей из толстых досок. На последнем этапе строители копали перед укреплением ров, а землю сыпали перед деревянной стеной. Чтобы вал сохранял крутизну и не расползался, его армировали дубовыми бревнами. Получалось деревянно-земляное укрепление. Срубы засыпались до второго этажа включительно, а третий возвышался над валом и назывался «заборола».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ты что, с ума сошел? (Фр.)

Купить: https://tellnovel.com/sapronov_evgeniy/chernyy-sokol-snayper-iz-buduschego

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити